Москит. Том 2

Автор:
Павел Корнев

Москит. Том 2

Павел Николаевич Корнев

Резонанс #4

На днях тебе исполнится девятнадцать – уже перешёл на второй курс, завёл девушку, оперируешь сверхэнергией и чертовски близок к пику витка, но теперь всё это не имеет ровным счётом никакого значения. Теперь ты младший вахмистр республиканского пограничного корпуса, не более чем песчинка в жерновах войны.

И пусть для подавляющего большинства сограждан эта война лишь локальный приграничный конфликт на задворках республики, когда где-то совсем рядом с неба падают авиабомбы, взрываются дома и горят боевые машины, очень сложно сохранить веру в то, что всё будет хорошо. И многократно сложнее не позволить перемолоть себя и пустить прах по ветру. Придётся выжить, хотя бы даже и вопреки всему. Выжить и взять новую высоту!

Павел Корнев

Москит. Том 2

Часть первая: Конфронтация

Глава 1

Как я оказался там, где оказался? Да всё просто: вызвался добровольцем. Возможно, поступил бы так при любом раскладе, ну а в данном конкретном случае решимости придало осознание того простого факта, что хоть как-то повлиять на происходящее я уже не в состоянии.

Ну и какой тогда смысл отдавать инициативу начальству, если всё равно вытянут за ушко да на солнышко?

Впрочем – обо всём по порядку.

Начать следует с того, что к общему сбору я безнадёжно опоздал. Нет, капитан Городец известие об отзыве бойцов зенитной роты в расположение особого отдела пограничного корпуса по Зимску не проигнорировал, но и оперативно отреагировать на него не смог.

– Вызови сюда грузовик, – приказал Георгий Иванович командиру мотогруппы и тут же своё решение переменил: – Нет, оставь человека и скатайся сам. Через диспетчера натуральный глухой телефон получится.

– Будет исполнено!

Старший вахмистр козырнул и забрался в коляску, мотоцикл затарахтел движком и укатил прочь сразу, как только с заднего сиденья соскочил Никита Алтын.

– Поглядывай тут, – бросил ему Городец и встал над изуродованным телом оператора, перекосился на левый бок, тяжело задышал. – Знаешь, Пётр, – задумчиво произнёс он некоторое время спустя, – а ведь этот несознательный гражданин в Эпицентре инициацию прошёл. И случилось это, судя по возрасту и огрехам техники, ещё до революции.

Я глянул на покойника, переборол накативший после поворота головы приступ тошноты и спросил:

– Почему именно в Эпицентре?

– А слишком чисто работал, совсем без помех, – пояснил Георгий Иванович. – Ты не чувствовал разве, как нихонский пилот фонил? Это как-то с частотами и колебаниями сверхсилы связано. Не силён в теории, но чем меньше размер источника, тем явственней проявляется несовпадение с Эпицентром.

– Да? – озадачился. – Первый раз слышу. Но вот насчёт пилота согласен – я чуть не перегорел, пока его паковал, хотя энергии в нём не так много было.

– Ну вот, – кивнул Городец. – К тому же этот упырь и негативом был, и в сверхрезонанс сорвался, а лет двадцать назад подобные отклонения куда как чаще встречались. Одно к одному – наш кадр.

Негатив? Ну да, ну да. Именно поэтому выброс энергии в противофазе его конструкцию и не разметал. Впрочем, если это и в самом деле была конструкция. Лично мне ничего такого заметить не удалось, такое впечатление – прямым воздействием давило.

– Думаете, эмигрант? – спросил я, оценив возраст убитого лет в сорок.

– Выясним, – буркнул в ответ капитан.

– А что за сверхрезонанс?

Городец мой вопрос проигнорировал и обратился к Алтыну:

– Ты его хлопнул?

– Никак нет! – отозвался егерь. – Командир стрелял.

Георгий Иванович кивнул, опустился на колени и принялся без малейшего намёка на брезгливость обшаривать одежду покойника. Ничего не нашёл, только руку в крови перепачкал, досадливо ругнулся и оттер пальцы о траву.

– Карауль, сейчас кого-нибудь на смену пришлю, – решил тогда Городец, глянув на часы, и двинулся через пустырь к проходу меж заборов. – Линь, за мной!

Я нехотя поднялся на ноги, и голова моментально пошла кругом, но равновесия не утратил, постоял немного, отдышался и поспешил за капитаном. На ходу потянул в себя сверхсилу и невольно поморщился из-за болезненных ощущений – такое впечатление под кожу от виска до паха через солнечное сплетение нагревательный элемент вшили; оставалось уповать на то, что перегрузил энергетический канал не слишком сильно.

Впрочем, раньше времени переживать по этому поводу я не стал и лишь мотнул головой да постарался от жжения абстрагироваться. Вроде бы даже успешно.

Наш пулемётчик тоже чувствовал себя не лучшим образом, но, несмотря на бледный вид, бдительности не терял и внимательно поглядывал по сторонам.

– Команда инвалидов! – вполголоса ругнулся Георгий Иванович, уселся на переднее пассажирское сиденье и принялся вызывать по рации офицерское общежитие пограничного корпуса.

Разговор долго не продлился, а там вернулся мотоцикл, следом прикатил грузовик, в котором помимо пулемётного расчёта приехали два опера комендатуры. Их-то Городец и отправил сменить караулившего тело егеря, ну а потом полуторка взяла вездеход на буксир и потянула его к месту недавней перестрелки. Там нас встретил Евгений Вихрь.

– У нас трое погибших и четверо тяжелораненых, их уже увезли в госпиталь, – отчитался он. – Точное число уничтоженных диверсантов назвать затрудняюсь – большинство тел придётся по частям собирать.

– Пиши в безвозвратные и зоопата со сворой, – с тяжёлым вздохом произнёс Георгий Иванович. – Что-то по нашей части нашлось?

Опер помотал головой.

– В одном из сараев обнаружили схрон с оружием и яму, где держали людей, но пустую.

– Дерьмо! – в сердцах выругался Городец. – И здесь опоздали!

– Начали опрашивать соседей. По их словам, тут артель квартировала…

Георгий Иванович отмахнулся.

– Не сейчас! Суббота со своими людьми уже едет, если нужно что-то подчистить, у тебя четверть часа, не больше.

Евгений Вихрь мигом убежал к разгромленному особняку, а мы дождались возвращения из госпиталя второго нашего грузовика и лишь после этого покатили в расположение пограничного корпуса. Мало того, что прибыли самыми последними, так ещё и я не своим ходом приехал. Заместителя ротного при виде вездехода на буксире чуть удар не хватил; так физиономия побагровела – думал, точно откачивать придётся.

Но нет, штабс-ротмистр очень быстро очухался и взвыл почище сирены воздушной тревоги.

– Ка-а-ак?!

Уповать на заступничество Василия Архиповича не приходилось по той простой причине, что его на плацу не было, вот и выслушал много всякого разного о своих умственных способностях. Опыт службы на Кордоне помог смолчать, ну а, когда Наум Исток выдохся и потребовал объяснений, я без запинки выдал:

– Вчера приказом по роте я с легковым транспортным средством повышенной проходимости был придан оперативной группе под руководством лейтенанта Вихря. Сегодня в результате розыскных мероприятий опергруппой было выявлено место дислокации диверсионно-разведывательной группы противника, в ходе боевого столкновения автомобиль попал под обстрел, что привело к ранениям ефрейтора Головни и сотрудника республиканского идеологического комиссариата Коросты, а также повреждению радиатора…

Дальше я намеревался упомянуть о необходимости проведения диагностики для составления полного списка повреждённых агрегатов, но заместитель ротного взорвался раньше.

– Умолкни! – рявкнул он.

– Так точно, господин штабс-ротмистр!

Наум Исток тяжело задышал, затем взмахом руки подозвал командира первого взвода.

– Мельник, подойди! – А когда Вениамин приблизился, штабс-ротмистр спросил у него: – У тебя водителей нехватка, так? Вот и забирай этого… себе. Пока ещё вездеход починят!

Тогда-то у меня и зародилось подозрение, что судьба в очередной раз подсунула жребий не из лучших. Сам не знаю, почему такая догадка в голове промелькнула, но долго ждать её подтверждения не пришлось.

– Грузовиком управлять учили? – спросил Мельник, когда заместитель ротного отошёл.

– Так точно, – подтвердил я без всякой охоты.

– Отлично! Пошли!

Полуторка оказалась той самой, что пострадала от близких разрывов авиабомб на привокзальной площади. Пробитые покрышки уже заменили и обновили доски правого борта, а вот в дверце кабины так и зияло несколько оставленных осколками дыр с рваными краями, кое-как загнутыми обратно.

– Нам крепко досталось, – со вздохом признал Вениамин Мельник. – И среди людей потери есть, и в технике. Три взвода в два переформировали.
Но временно, конечно, – и раненые в строй вернутся, и пополнение должны прислать.

– А комиссар где? – поинтересовался я. – Всё же к нему приписан. Проблем не будет?

Взводный покачал головой.

– Личный транспорт только ротному оставили. Остальные вездеходы машинами связи будут. Из-за чего, думаешь…

Фраза осталась недосказанной по причине прозвучавшей команды строиться. Не могу сказать, будто личный состав зенитной роты так уж сильно поредел, но и совсем без потерь, увы, не обошлось; присутствовали в строю и бойцы с повязками.

Слово взял ротный. Сначала он вкратце изложил то, что я и без того уже знал от Василя и Георгия Ивановича, затем перешёл к делу:

– Сегодня на рассвете джунгарские войска вторглись на территорию республики. Наши заставы уничтожены, уцелевшие бойцы пограничного корпуса отступают к населённому пункту Белый Камень. Туда уже выдвигается армейское подкрепление, нам приказано обеспечить защиту сборных частей от воздушных налётов. Для этих целей будет задействован взвод под командованием корнета Мельника, в состав которого войдут наиболее опытные бойцы и добровольцы.

Я глянул на кислую физиономию штабс-ротмистра Истока и решил, что непременно окажусь достаточно опытным для отправки на передовую. А раз так, то имеет смысл проявить гражданскую позицию и вызваться добровольцем. Лучше бы, конечно, перед тем с Василием Архиповичем переговорить, только в упор его не вижу…

С комиссаром удалось перекинуться парой слов лишь перед самым отбытием в Белый Камень. К этому времени я сдал перерубленный автомат в оружейку и получил взамен него новенький, ещё в оружейной смазке, с двойным боекомплектом в двести сорок патронов. Дополнительно выдали сухой паёк, а только распихал пожитки по кабине грузовика, появился Василий Архипович, который мало того, что оказался обряжен в полевую форму, так ещё и вещмешок на плече тащил.

– А ты чего здесь? – удивился комиссар, заметив меня. – Я без машины выдвигаюсь.

Я не стал вдаваться в детали, просто сказал:

– Добровольцем вызвался, буду баранку грузовика крутить.

Василий Архипович одобрительно похлопал меня по плечу.

– И правильно сделал, что инициативу проявил! Молодец, верно мыслишь. Инициатива в таких делах крайне высоко ценится. И боевой опыт точно лишним не будет. Хвалю!

У меня после таких слов от сердца немного даже отлегло. Умом-то понимал, что решение принял верное, но страшновато было и маетно, а тут отпустило.

Комиссар направился к Вениамину Мельнику, проверявшему перед выездом выделенную взводу технику, я подумал-подумал и двинулся следом, но послушать, о чём взялись толковать взводный и комиссар помешала команда строиться. Вот на построении и выяснилось, что в Белый Камень отправится ещё и разведвзвод, а командовать подразделением будет непосредственно Василий Архипович.

Неожиданные изменения изрядно удивили, но обсудить их оказалось не с кем, поскольку никого из своих нынешних сослуживцев я не знал даже шапочно. Все они прежде проходили службу в ОНКОР, студентов и аспирантов оставили в Зимске.

– По машинам! – дал отмашку Василий Архипович, ну и побежали.

За крупнокалиберный пулемёт в кузове грузовика отвечали унтер-офицер и ефрейтор, расчётом взятого на прицеп зенитного орудия командовал старший вахмистр, а в кабину ко мне забрался единственный офицер в составе зенитного взвода – молодой светловолосый прапорщик с песочного цвета усами. Чиниться он не стал и сразу протянул узкую жёсткую ладонь.

– Глеб Аспид.

– Пётр Линь, – представился я, отвечая на рукопожатие.

– Сам откуда?

– В авточасти на Кордоне служил, – отделался я полуправдой.

Прапорщик кивнул и уточнил:

– Ты ведь комиссара возил?

– Ага, – подтвердил я. – День. А потом всех подряд возил, пока в городе под обстрел не попали.

– Да уж… Нужно было серьёзно проштрафиться, чтоб в капитанском звании на полуроту поставили… – многозначительно заметил Аспид.

– Не разжаловали же? – хмыкнул я. – Да по идее он и сам мог на передовую попроситься.

Тут командирский вездеход тронулся с места, следом покатил второй, за ними пристроился последний из приданных взводу – с красными крестами медицинской службы. Затем выдвинулись разведчики, и только после этого пришёл черёд четырёх грузовиков со спаренными пулемётами в кузовах.

К трём машинам прицепили колёсные лафеты зенитных орудий, и лично я с превеликой охотой взялся бы управлять грузовиком без прицепа, но не свезло. И вроде учили в авточасти на совесть, но было это полгода назад, вот и начал набирать ход неповоротливый автомобиль как-то очень уж неохотно. Движок надсадно порыкивал, и разговор увял сам собой. Прапорщику не хотелось драть глотку, ну а мне и вовсе было не до того. Пока крутились меж пакгаузов железнодорожной станции, натуральным образом взмок.

Но потом не иначе кто-то наверху внял моим безмолвным мольбам, и автоколонна не повернула к выезду в город, а вместо этого головной автомобиль остановился рядом с грузовым составом на запасных путях. Комиссар перекинулся парой слов с вахмистром-железнодорожником и поручил прапорщику Аспиду контролировать погрузку транспорта на платформы.

Первым на торцевую аппарель заехал командирский вездеход, за ним последовала машина с красными крестами. Вот тогда-то я и облизнул пересохшие губы. Габаритов автомобиля я пока что попросту не чувствовал, да

и слушался тот руля далеко не лучшим образом. Как бы чего не вышло…

– Ну ты чего? – заскочил на подножку прапорщик Аспид. – Уснул?

– Так это… – замялся я. – С грузовиками давно дел не имел. Может, подменит кто поопытней?

Прапорщик глаза закатил.

– А я на что? Двигай! Удержу, если что!

Тут я себя едва по лбу ладонью не хватил. Ну конечно! А сверхспособности мне на что?

– Да и сам удержу так-то, – буркнул я, направляя грузовик на аппарель.

Самоуверенность сыграла злую шутку – на середине подъёма неповоротливый автомобиль повело в сторону, я спешно отпустил педаль газа, и движок заглох. Ладно хоть удалось серией слившихся в единое целое кинетических импульсов загнать тяжёлую машину на платформу, никто ничего и не заметил вовсе.

– Снаряды привезли, помоги погрузить, – распорядился прапорщик, направляясь к следующему автомобилю.

Я смахнул выступивший на лбу пот и принялся наравне с остальными таскать выкрашенные зелёной краской деревянные ящики. Пока управились, уже и железнодорожники закончили машины закреплять, тогда Вениамин Мельник провёл перекличку личного состава и распределил бойцов по местам. Пару минут спустя раздался длинный паровозный гудок, платформа под ногами дрогнула и состав начал набирать ход.

– Не подскажете, много своим ходом потом ехать придётся? – поинтересовался я у прапорщика.

– Не! – мотнул тот головой. – Железная дорога аккурат до Белого Камня проложена. Тут сто километров по прямой на юг, уже часа через три на месте будем. – Он помолчал и как-то неуверенно добавил: – Наверное…

– Сто километров? – задумался я. – Получается Белый Камень на полпути к границе?

– Примерно, – подтвердил Аспид и пояснил: – Там перевал, все дороги сходятся. Никак стороной не обойти.

Он распахнул дверцу и, встав на подножку, высунулся из кабины. Все зенитные орудия приводились из походного положения в боевое, заряжающие вталкивали снаряды в кассеты, командиры расчётов изучали подёрнутое перьевыми облачками небо в бинокли.

Я приложился к фляжке с водой, сделал несколько глотков и завинтил крышку. Кварталы Зимска один за другим уплывали назад, минут через десять состав покинул пределы города и ускорил ход. Стало как-то очень уж неуютно, отчасти даже – страшно.

Я всё сделал правильно, знал это наверняка, но от одной только мысли о скором прибытии на фронт начинали трястись поджилки. Это лишь в мечтах здорово на войне очутиться, а на деле думаешь не о том, как бы себя в бою с лучшей стороны проявить и врагам кузькину мать показать, а неизвестностью терзаешься.

Какая там сейчас обстановка? Что меня ждёт?

Нет ответа.

Впрочем, впадать в уныние по этому поводу я не стал, вычистил оружие и погрузился в поверхностный медитативный транс. Восполнил растраченный потенциал, заодно и энергетические каналы попытался расслабить. Так увлёкся, что даже вздрогнул, когда за плечо потрясли.

– Уснул, что ли? Во даёшь! – удивился потревоживший меня командир зенитного расчёта. – Идём, комиссар операторов собирает.

Я выскользнул из кабины и вслед за старшим вахмистром поспешил по слегка раскачивавшимся под ногами платформам в начало состава.

Совещание комиссар проводил в выделенном нашему взводу вагоне, из четырёх десятков человек личного состава операторов набралось с дюжину, да ещё подошёл врач в полевой форме с погонами корнета и явилась большая часть разведчиков во главе с командовавшим ими поручиком.

– По оперативной обстановке ничего нового не скажу, – сразу предупредил Василий Архипович. – На текущий момент противник в окрестностях Белого Камня не замечен, фиксируются единичные случаи обстрелов наших подразделений с воздуха.

– Много там армейцев? – поинтересовался командир разведвзвода.

– Пока успели перебросить пехотный батальон, им в усиление придали полуэскадрон и пластунов из приграничного люда, да ещё какую-то сборную солянку из местных ополченцев сформировали. Плюс насобирали три взвода броневиков. С артиллерией дела обстоят не лучше.

– А что насчёт танков?

– Будут. Но когда и сколько – нет информации, – ответил комиссар, не став приукрашивать ситуацию.

Корнет-медик прочистил горло и спросил:

– А что, собственно, происходит? Это война? И с кем именно: с Джунгарией или Нихоном?

Василий Архипович скривился так, будто лимона откусил.

– Приказано считать происходящее пограничным конфликтом. На текущий момент нихонцы лишь прикрывают отряды ханства с воздуха, информации о вторжении их наземных сил, за исключением отдельных диверсионных подразделений, у нас нет. И едва ли оно последует, слишком серьёзными окажутся в этом случае последствия. А джунгары… Джунгары даже не разменная монета, просто пушечное мясо.

– Но должны же быть для нападения какие-то основания! – продолжил упорствовать медик. – Они объявили нам войну?

Комиссар посмотрел на Вениамина Мельника, вздохнул и кивнул. Корнету большего и не потребовалось.

– Всё это отлично спланированная провокация! – заявил он, поднимаясь на ноги. – Вчера на экстренном заседании Лиги Наций было принято решение о передаче под международный контроль всех источники сверхэнергии.

Глеб Аспид удивлённо присвистнул.

– И даже айлиского?

– И даже айлийского, – подтвердил Мельник, презрительно скривился и продолжил: – Но дьявол кроется в деталях! В постановлении говорится о том, что контроль над источниками будет устанавливаться в порядке убывания их интенсивности. Первой на уступки обязана пойти республика!

Возмущению собравшихся не было предела, Василию Архиповичу даже пришлось наводить порядок.

– Формально Джунгария действует во исполнение решения Лиги Наций, пусть даже и не уполномочена на то мандатом. А поскольку нихонские империалисты заключили договор об оказании военной помощи марионеточному режиму ханства, они не выступают самостоятельной стороной конфликта. Войну они нам не объявляли. Боюсь, и мы им не объявим. Приграничный конфликт, и точка!

Комиссар дал собравшимся выпустить пар, после похлопал в ладоши, привлекая к себе внимание.

– Наивно полагать, будто самураи ограничатся поставками оружия, отправкой военных советников и поддержкой джунгарских войск с воздуха! На территории республики уже действуют диверсионные подразделения. Вдвойне опасными их делает способность к управлению сверхэнергией. Корнет…

И вновь слово взял Вениамин Мельник.

– В Зимске наши подразделения подверглись нападению так называемых шиноби. – Для собравшихся это название было пустым звуком, и аспирант был вынужден пуститься в исторический экскурс: – Не являясь специалистом по стране восходящего солнца, могу сказать лишь, что в древности там так именовались кланы профессиональных лазутчиков и убийц. Нынешние подразделения к прежним кланам не имеют никакого отношения, они были воссозданы уже после оккупации Джунго и захвата источника сверхэнергии. Все нынешние шиноби прошли инициацию, все они мастера рукопашного боя и опытные фехтовальщики. В качестве операторов они ничего собой не представляют и упор делают на маскировку с помощью оптических иллюзий, незаметное проникновение в расположение противника, уничтожение командиров и вывод из строя техники.

Медик озадаченно поскрёб лоб и спросил:

– И что же – просто бегают с мечами? В двадцатом веке?

– Именно так, – подтвердил Василий Архипович и обратился ко мне: – Вахмистр Линь, есть что добавить по существу?

Неожиданно для себя я оказался в центре всеобщего внимания, но не стушевался и заявил:

– Насколько знаю, никто из девяти напавших на офицерское общежитие диверсантов не задействовал дистанционных энергетических атак… – Я выжидающе посмотрел на комиссара, а когда тот кивнул в подтверждение моего высказывания, продолжил: – Диверсанты использовали исключительно холодное и метательное оружие, при этом усиливали удары сверхъестественным образом и легко разрушали защитные силовые экраны. Совершенно точно применялась техника закрытой и открытой рук, а один из нападавших оставался на ногах после пяти пулевых ранений в корпус. Что ещё? В резонанс они не входили. Насчёт мощности ответить затрудняюсь.

– А энергетические искажения? – поинтересовался корнет-медик.

– Минимальные, – ответил я без малейших колебаний. – Потенциал они удерживают незначительный и оперируют, такое впечатление, непосредственно входящим потоком. Для уверенного распознания создаваемых ими

энергетических аномалий с дистанции хотя бы в двадцать метров понадобится либо чрезвычайно высокая чувствительность, либо поисковые воздействия или сигнальные конструкции.

Это заявление никого из сослуживцев не порадовало, и все заговорили наперебой, тогда вновь проявил эрудицию Вениамин Мельник.

– Предположительно шиноби задействуют аналог нашей техники двойного вдоха, которая сводит к минимуму искажения энергетического фона при поддержании оптических иллюзий, но не защищает от обнаружения активным поиском.

Командир разведвзвода озадаченно хмыкнул.

– Получается, если макаки действительно хороши в технике заземления, мы их активным поиском не обнаружим, а искажение фона сможем засечь исключительно по вторичным признакам?

– И то если в этот момент они будут использовать оптические иллюзии и схожие техники маскировки, вроде звукового экрана, – отметил Мельник.

Дальше он взялся отвечать на вопросы операторов, а я очень плодотворно пообщался с бойцами разведвзвода, которых интересовали исключительно практические аспекты моих столкновений с диверсантами. К тому же почти все они и сами участвовали в отражении атаки на расположение пограничного корпуса, которая предшествовала налёту вражеской авиации – нашлось, о чём поговорить.

Василий Архипович обмену опытом не препятствовал и вновь взял слово уже только в самом конце собрания.

– И ещё один момент! – поднялся он на ноги, привлекая к себе внимание. – Случиться может всякое, если вдруг отобьётесь от своей части, то при выходе к любым нашим армейским подразделениями надлежит назвать свой учётный номер оператора. Сотрудники комендатур и особых отделов будут обязаны незамедлительно сообщить о вас в Новинск. Циркуляр доведён до всех заинтересованных лиц на местах, и обязателен к исполнению на всей территории республики.

На этом он постановил собрание считать закрытым; я воспользовался случаем и справился у Вениамина о технике двойного вдоха, поскольку прежде о такой слышать ещё не доводилось.

– На третьем курсе её проходят, – пояснил Мельник. – Раньше просто смысла нет, она чисто вспомогательную функцию несёт: рассеивание сверхсилы в пространстве уменьшает при создании энергетических конструкций. Неструктурированный мусор назад оттягивается, а оператор фильтром выступает.

– И в чём смысл? – озадачился я. – Неструктурированная сверхэнергия и сама по себе рассеивается!

– Недостаточно быстро, если в полную силу работает оператор шестого витка, – возразил Вениамин. – Рано или поздно помехи начинают влиять на стабильность конструкций, а это никуда не годится.

Я припомнил, как трещал воздух от разрядов статического напряжения, когда с другими курсантами упражнялся на силовых установках в училище, и кивнул. И это ещё мы – операторы восьмого-девятого витков, у прошедших инициацию на эталонном шестом мощность в разы выше.

– А делать перерывы между подходами в ожидании, пока фоновое излучение в норму придёт, чистая потеря времени, – продолжил втолковывать мне аспирант. – К тому же отдельных аудиторий на всех не напасёшься, в учебных помещениях сразу по нескольку человек занимается, вот и приходится изгаляться. Ну а ближе к концу третьего курса обычно все руку на контроле сверхсилы набивают, и эта техника ненужной становится. Она ведь никакого прироста мощности не даёт, только идёт… – Он прищёлкнул пальцами. – Рециркуляция!

– О, как! Есть о чём подумать, – озадачился я и заодно решил прояснить вопрос с жутким стариком. – Слушай, а что такое сверхрезонанс?

Вениамин озадаченно уставился на меня, пришлось пояснить:

– Да услышал тут просто.

– В институте мы этот термин больше не используем, – сказал аспирант после недолгой паузы. – А что такое сверхрезонанс, ты знаешь и сам. Первые подстройки операторов сопровождал? Вступительный инструктаж проходил?

– А-а-а! – протянул я. – Глаза начинают светиться, и всё такое? Это понятно, но каков принцип?

Вениамин Мельник пожал плечами.

– Отказывают защитные механизмы организма, сверхсила сначала выжигает нервную систему и повреждает мозг, затем разрушается тело, и энергия, высвобождаясь, сметает всё вокруг. Одно время исследовали этот процесс для расширения возможностей операторов, но в итоге проект свернули, а сам термин вышел из употребления. Теперь это критический сбой нормального течения резонанса.

– Так понимаю, есть техники для его вызова? – предположил я.

В ответ аспирант только руками развёл и улыбнулся. Не стал говорить ни да, ни нет.

По мере удаления от Зимска местность начала становиться гористой. Железная дорога то тянулась мимо поросших соснами скалистых косогоров, то пересекала по мостам узкие обмелевшие речушки. Солнце миновало зенит, но всё ещё припекало, караульные попрятались от него в тени автомобилей, только командир дежурного зенитного расчёта маячил с биноклем в руках. Я распахнул обе двери кабины грузовика и развалился на сиденье, свесив ноги и заложив за голову руки. Собирался подумать о технике двойного вдоха, но размеренный перестук колёс очень скоро убаюкал, сам не заметил, как глаза слипаться начали.

Из полудрёмы вырвали паровозные гудки. Сначала длинный, следом два коротких. И сразу кто-то заорал:

– Воздух!

Я дёрнулся, свалился с сиденья и буквально выполз из кабины на платформу, завертел головой по сторонам. В небе – никого и ничего, только суетились на платформах зенитчики, спешно занимавшие места согласно боевому распорядку.

Учебная тревога?

И тут с явственным хлопком проявился гул авиационных двигателей, а миг спустя через ближайшую сопку перемахнули три идущих на бреющем полёте нихонских штурмовика. Наперерез поезду побежали парные дорожки выбиваемых пулями фонтанчиков земли, миг спустя они перечеркнули две платформы и теплушку, а следом над нами с рёвом пронеслись вражеские самолёты. Они почти сразу заложили крутой вираж, намереваясь зайти в хвост состава, дабы пройтись пулемётами по всей его длине, и безнаказанным столь неосмотрительный маневр не остался. Опалило нервную систему ворохом помех внезапно проявившееся ясновидение, пространство неуловимо исказилось, и одна из крылатых машин превратилась в шар огня, обломки так и разлетелись!

По двум оставшимся штурмовикам ударили зенитные орудия, да ещё в безумном темпе затарахтели пулемётные спарки и начали палить из винтовок караульные. Я и сам схватился за автомат, но, прежде чем успел прицелиться, самолёты перевалили через сопку, нырнули за неё и скрылись из виду.

Ух… Пронесло…

Ведь пронесло же?

Как впоследствии рассказал Глеб Аспид, каким-то чудом обошлось не только без убитых, но и даже без раненых. Очередью зацепило один из грузовиков, да ещё пришлось провести ревизию пострадавших при налёте ящиков с боеприпасами, достать и вскрыть повреждённые цинки, перебрать винтовочные патроны из простреленных пачек и пустить нормальные на снаряжение пулемётных лент.

Белый Камень оказался небольшим городком, вид на который открылся сразу, как только состав миновал перевал, разрезавший не столь уж и высокий горный хребет. В центре населённого пункта высилось несколько трёхэтажных домов,

сложенных из красного кирпича, но толком оглядеться не получилось, поскольку состав на полном ходу проследовал мимо вокзала на юго-западную окраину, застроенную длинными двухэтажными бараками – бревенчатыми и на каменных цоколях. Ещё там располагались кирпичный завод и ткацкая фабрика, вот в тупик между ними поезд и загнали.

– Разгрузка по второму варианту! – прокричал Вениамин Мельник, когда поезд остановился и бойцы взвода принялись споро освобождать закреплённый после погрузки на платформы автотранспорт.

Я и понятия не имел ни о каком втором варианте, но это точно был не стандартный съезд по аппарели, вот и справился на сей счёт у прапорщика.

– Ох уж мне эти замены в самый последний момент! – горестно вздохнул Глеб Аспид, упёрся ладонями в борт грузовика, и автомобиль дрогнул, чуть приподнялся над платформой и принялся смещаться с неё, чтобы затем плавно опуститься на землю.

Я и глазом моргнуть не успел, как снявшие с платформы колёсный лафет зенитного орудия бойцы закрепили сцепку, и прозвучала команда:

– Поехали! Ходу!

Вся процедура не заняла и пяти минут, да управились бы и раньше, если б всюду не суетились пехотинцы. Одни куда-то тащили мешки с песком и нагруженные кирпичом носилки, другие оборудовали долговременные огневые позиции, третьи разгружали дрезину с лесом.

Командовал заслоном армейский майор, он сразу приказал убираться с открытого пространства и загонять транспорт в цеха и проезды между ними. Некоторые здания уже оказались заняты: в иных обустроили конюшни, где-то стояли броневики, а в одном разместили пару айлийских двухбашенных танков с автоматическими орудиями, не превосходившими калибром наши зенитки. В ОНКОР таких раритетов и не осталось уже, наверное, – немудрено, что первым делом майор справился о возможности зенитных орудий вести огонь по наземным целям. Утвердительный ответ его немало воодушевил, он вызвал двух капитанов – артиллериста и танкиста, заодно пригласил на собрание Василия Архиповича, а комиссар в свою очередь прихватил с собой Вениамина

Мельника.

Оставшийся за старшего прапорщик Аспид велел достать из кузова флягу и отправил двух бойцов на поиски ближайшей колонки – этим его руководящая роль и ограничилась, и я начал прохаживаться туда-сюда. Заглянул в цех, поглазел на броневики и решил, что их пулемёты и автоматические двадцатимиллиметровые пушки окажутся вполне эффективны против джунгарской кавалерии и пехоты. А собственной бронетехникой те, можно сказать, и не располагали вовсе. Что было – всё пожгли по весне нихонцы.

Вот только майора явно неспроста интересовало наличие у нас бронебойных снарядов к зенитным орудиям, он определённо опасался появления вражеских танков, и лично меня это обстоятельство нисколько не радовало.

Ёлки зелёные! Да я попросту места себе не находил!

И ведь это у меня ещё какой-никакой опыт боевых действий имеется, а остальным каково?

Впрочем… Вполне возможно, что как раз по причине хоть какого-то опыта меня сейчас и потряхивало. Я ведь прекрасно помнил, как прошлым летом боялся голову от земли приподнять, когда пулемётчик диверсантов огнём прижал. А тут – танки!

Единственное, что действительно радовало, – это метровая толщина кирпичных стен. Отсюда даже с помощью артиллерии нас долго выковыривать придётся, а до такого, надеюсь, всё же не дойдёт.

Вернулись Дичок и Мельник не сказать, что мрачнее тучи, но и радостью они отнюдь не лучились. Тянуть резину комиссар не стал и сразу перешёл к делу, заявив:

– В семи километрах от города выставили заслон отступившие к Белому Камню пограничники. Их усилили взводом пехоты, броневиком, парой ротных миномётов и сорокопяткой, от нас туда отправится разведвзвод и одно из зенитных орудий. Задача проста: остановить продвижение противника

к Белому Камню, чтобы армейцы успели перебросить подкрепление и резервы для контрнаступления. Поручик Гнёт, прапорщик Аспид, подойдите!

Вениамин Мельник нахмурился пуще прежнего и заявил:

– Настаиваю на том, чтобы возглавить отделение!

– Успеешь ещё повоевать! – отрезал комиссар. – Ты мне здесь нужен. Всё! Закрыли тему! Займись размещением людей.

Корнет точно собирался настоять на своём, но перехватил взгляд собеседника, козырнул и принялся сыпать распоряжениями, распределять зоны ответственности и сектора обстрела. И я нисколько даже не удивился, когда ценными указаниями оказались одарены решительно все, кроме командира расчёта взятого мной на прицеп зенитного орудия. Нам пришлось расписываться за ознакомление с приказом о временном переводе распоряжение командира одной из пограничных застав особого отдела по Зимску.

– Загружайте в машину тройной боекомплект, – приказал напоследок Мельник старшему вахмистру. – И бронебойных два ящика возьми на всякий случай. Нет, лучше три.

– Будет исполнено, – бесстрастно отозвался командир зенитного расчёта, а когда корнет отошёл, протянул мне руку. – Юрий.

– Пётр, – в свою очередь представился я.

– Давай к складу. Не на себе же ящики таскать.

Я глянул на взятый на жёсткую сцепку четырёхколёсный лафет зенитного орудия, вздохнул и забрался в машину. Как на грех забарахлил стартер, пришлось крутить заводную ручку. Потом ещё и в погрузке снарядных ящиков поучаствовал, немного упрел даже. Промочил горло, остатки плескавшейся во фляжке воды вылил на голову, отфыркался и снял гимнастёрку, принялся зашивать оставленную метательной звездой прореху. Всё верно: сам себе занятие нашёл, лишь бы только бездельем не маяться и о всяком разном нехорошем не думать. Совсем-совсем ни о чём не думать.

Только привёл форму в порядок, прикатили вездеход и мотоциклы разведвзвода, следом подошли Глеб Аспид и Вениамин Мельник.

– Готовы? – поинтересовался корнет.

– Так точно! – отозвался командир зенитного расчёта.

– Выдвигайтесь тогда, чтобы успеть до темноты на новом месте обустроиться, – сказал Мельник прапорщику, а меня хлопнул по плечу. – Ты гляди, не посрами там военную кафедру!

– Да уж постараюсь.

Аспирант не удержался от тяжёлого вздоха.

– Эх, ты-то на переднем крае окажешься, а мне в тылу торчать! Белой завистью завидую! Удачи, Петя!

Я поблагодарил его и забрался в кабину. Первым с территории завода выехал направленный в головной дозор мотоцикл, следом выдвинулся вездеход, дальше уже и мой черёд пришёл. Напрямик через город мы не поехали, сразу повернули в сторону предместья, и дорога немедленно пошла под уклон. Белый Камень был выстроен на нескольких холмах, и с учётом постоянного перепада высот передвигаться по нему на неповоротливом грузовике новичку вроде меня было сущим мучением. Того и гляди, притормозить не успеешь и какую-нибудь телегу зацепишь. А ещё – люди. Местные жители нескончаемыми вереницами шагали вдоль домов, тащили на закорках тюки с пожитками и малолетних детей, толкали перед собой тележки. Только зазевайся – и точно кого-нибудь переедешь.

– И куда они? – поинтересовался я у прапорщика между делом.

– Вроде на вокзале эвакуационный пункт организовали. Сюда подкрепление перекидывают, обратно женщин, детей и стариков везут. Мужиков к работам привлекать собираются, а кого-то уже под ружьё поставили, как понял.

Минут через десять мы добрались до окраины, там окапывались пехотинцы, за обочиной мелькнул плакат: «Мины». На развилке двух дорог военный регулировщик поднял красный флажок, призывая остановиться нагруженную мотками колючей проволоки подводу, и позволил нам миновать перекрёсток в первоочередном порядке.

Автоколонна пересекла поле и втянулась в лес, узкая дорога начала петлять меж поросших высоченными соснами сопок, затем пошла в горку, и движок принялся надсадно порыкивать, пришлось даже сбросить скорость. Подлесок был не слишком-то и густым, но даже так обзор оставлял желать лучшего – тут ничего не стоило устроить засаду и расстрелять транспорт с дистанции кинжального огня; враз стало не по себе. Как ни крути, здесь даже головной дозор ситуацию не спасёт, вся надежда на спаренный крупнокалиберный пулемёт в кузове грузовика, сверхспособности и выучку зачисленных в разведвзвод егерей.

Но обошлось без неожиданностей, а минут через десять мы и вовсе выехали к мостку через широкий ручей, где отрывали окопы пятеро пехотинцев.

– Заминировать бы тут всё, – заметил я.

Прапорщик указал куда-то в сторону от дороги.

– А вон глянь! Не сапёры разве?

Я пригляделся к незамеченной до того телеге и задумчиво хмыкнул.

– Скорее связисты линию тянут. Вон и катушка с проводом у них точно не просто так.

– Может быть, – не стал спорить Глеб, который всю дорогу не выпускал из рук автомата и напряжённо вертел головой по сторонам, ещё и придерживал ногой дверцу, не позволяя той захлопнуться.

У меня даже возник соблазн полюбопытствовать, откуда его перевели в зенитную роту, но ситуация к беседам на отстранённые темы не располагала, просто сделал зарубку на будущее. А вот разговор о том, что нас ждёт в самом

ближайшем будущем, откладывать не стал.

– Разрешите спросить? – обратился я к прапорщику.

– Валяй!

– Какая оперативная обстановка вообще? Комиссар что-нибудь рассказал?

Глеб Аспид задумчиво хмыкнул.

– Комиссара послушать, нас развлекательная прогулка ждёт. Джунгары – вояки ещё те, погранцов на заставах они не столько даже числом задавили, сколько внезапностью взяли. Да и броневиков у них не так много, об артиллерии и вовсе никаких сведений нет. Но вот в небе нихонцы нас вчистую переигрывают, это серьёзная проблема. На новых позициях пехота уже окопалась, их оттуда не выбьют, если только с неба утюжить не начнут. Вот для этого нас и привлекли, чтоб не начали! – Прапорщик, усмехнулся и легонько пихнул меня в бок. – Да ты не переживай! Сейчас наши в Белом Камне силёнок накопят и джунгаров пинками обратно погонят. Кавалерия против бронетехники не пляшет.

Лично мне показалось, что в Белом Камне полным ходом идут приготовления к осаде, но завести об этом разговор не успел. Ехавший перед нами вездеход замедлил ход и остановился перед уложенным поперёк дороги бревном, на котором сидел пехотинец с лысыми погонами рядового. Ещё два караульных расположились на поваленной вдоль дороги сосне, рядышком лежали трёхлинейки.

Молоденький ефрейтор мигом вскочил на ноги, отдал честь и велел подчинённым освободить проезд, оттащив в сторону бревно.

– Господин поручик, сразу за поворотом у взгорка съезд налево будет, не пропустите! – подсказал он. – Там и наш подпоручик, и ваш штабс-ротмистр. Все там!

Взводный кивнул и махнул рукой головному мотоциклу.

– Ходу!

Через полсотни метров мы и в самом деле вывернули к взгорку с вросшими в склон замшелыми валунами. Обустроенных огневых позиций снизу разглядеть не удалось, я заметил лишь сидевшего на плоском камне бойца в форме пограничного корпуса с биноклем в руках. Здесь же в лес уходили две накатанные колеи, отмеченные примятой травой и поломанными папоротниками. Тут и там из земли торчали пеньки срубленных кустов и молодых ёлок, где-то выворотили из земли и откатили в сторону камни, а местами наскоро засыпали неглубокие овражки, но и так пробирались по проезду медленно-медленно, ещё и ветви деревьев то и дело цепляли кабину и борта грузовика.

Немного погодя попалась команда, расчищавшая подлесок, а после того, как импровизированная дорога начала понемногу забирать вверх по склону, я разглядел несколько человек, занятых рытьём окопов. Очевидно, здесь предполагалось разместить заслон на случай, если противник попытается обойти нас с тыла.

Весь подъём на пригорок движок грузовика надсадно рычал, возникло даже опасение, что он вот-вот заглохнет, но обошлось, и минут через пять мы выехали на узкую прогалину среди деревьев. Там были установлены два ротных миномёта, чуть в стороне под сенью высоченных сосен лежали штабеля выкрашенных зелёной краской ящиков, на противоположном краю стояла пара палаток, а неподалёку от обложенного камнями родника дымила трубой полевая кухня.

Когда взводный разведчиков и наш прапорщик скрылись в штабной платке, я не утерпел, зачерпнул из ключа пригоршню воды, умылся и напился.

Уф-ф! Хорошо!

От полевой кухни тянуло ароматом немудрёной стряпни, и бойцы начали поглядывать на неё с нескрываемым интересом, но после недолгого разговора с командиром пограничников взводный разведчиков приказал загонять мотоциклы под деревья и отправился распределять по позициям бойцов с ручными пулемётами и противотанковыми ружьями. Егерей-операторов он оставил готовиться к вылазке.

Ну а нам прапорщик Аспид приказал браться за топоры, пилы и лопаты. И если обустройство укрытия для зенитного орудия представлялось мне задачей не слишком сложной даже с учётом необходимости оперативного перемещения лафета на позицию для стрельбы прямой наводкой по наземным целям, то спрятать грузовик могли помочь разве что складки местности. Почва-то оказалась на редкость каменистой, глубже штыка лопаты начинался чуть ли не сплошной гранит.

Впрочем, имелись у нашего расположения и несомненные достоинства. Начать хотя бы с того, что обустраивались огневые позиции на опушке леса, за которой начинался пусть и не слишком крутой, зато весьма протяжённый косогор. По дну расселины среди каменной россыпи подковой изгибалась мелкая речушка, а до стены деревьев на противоположной её стороне было никак не меньше полукилометра. И всё это пространство с нашей господствующей высоты прекрасно просматривалось и простреливалось. Дорога тоже была как на ладони, с учётом артиллерийского орудия, зенитной пушки и пары крупнокалиберных пулемётов по ней было не прорваться даже броневикам.

Единственное что немного напрягало – это лес за спиной. Если противник зайдёт с тыла, придётся лихо. Но поручик не зря егерей разведать округу настропалил, это их хлеб. Мне же предстояло хорошенько поработать лопатой. Для грузовика отыскался небольшой овражек – поначалу пологий, он упирался в скальный уступ и дальше резко отворачивал в сторону. Прапорщик Аспид велел расчистить подъезд от кустов, выровнять склон и выкопать вросшие в него валуны. И то же требовалось проделать со склоном противоположным, дабы грузовик мог подняться из укрытия непосредственно к опушке и вести огонь по наземным целям.

– И никаких сверхспособностей! Ручками копайте! Ручками! – распорядился прапорщик. – Линь, тебя это в первую очередь касается! Не демаскируй нам позицию!

– Так точно! – отозвался я без всякого энтузиазма, поскольку уже начал прикидывать, как бы обустроить позицию, не прибегая к физическому труду.

Для меня и пары пулемётчиков работы тут было вагон и маленькая тележка, ладно хоть вытаскать камни помог экипаж броневика. Боевую машину укрыли в подлеске метрах в пятидесяти от нас и замаскировали срубленными кустами, а помимо этого соорудили бруствер из сосновых стволов и гранитных валунов.

Не обошлось без дополнительной защиты и у нас, Аспид велел превратить узкую часть овражка в импровизированный блиндаж, накрыв его уложенными поперёк брёвнами, благо теми снабдили армейцы. Под навес не помещалась даже кабина, над грузовиком пришлось натянуть маскировочную сеть.

Некоторое время спустя на помощь нам прислали расчёт зенитного орудия и дело пошло веселее, но и так провозились с обустройством укрытия до позднего вечера.

– Блиндаж – это хорошо, но там вас всех разом накрыть могут! – обрадовал нас Глеб Аспид, до того работавший наравне с подчинёнными. – Ройте щели! В них только прямым попаданием достанут, осколки выше пройдут.

Пришлось выискивать не слишком каменистые участи и вгрызаться в землю ломами и лопатами. Работали тройками, сменяя друг друга, но ни одно из двух индивидуальных укрытий к наступлению темноты до ума довести не успели. А там прапорщик скомандовал отбой и позвал всех ужинать. Нам выдали успевшую остыть перловку и подогретый на костре травяной чай, и хоть вымотался я до невозможности, смолотил свою порцию в пять секунд, а потом уже без всякой спешки вприкуску с куском сахара пил настой лесных трав.

Ладони я не стёр в кровь исключительно из-за шофёрских краг, и даже так без мозолей не обошлось, а уж с ними никакая сверхэнергия помочь не могла, оставалось лишь ждать, пока не сойдут сами. Но процесс регенерации подстегнуть я всё же не преминул, поскольку помимо всего прочего нещадно ломило спину и отваливались руки. Вот и откинулся спиной на ствол высоченной сосны, успокоил дыхание, погрузился в медитацию, концентрируя в нужных местах внутреннюю энергию и волнами прогоняя её по организму.

Чертовски мешало расслабиться и очистить сознание вившееся вокруг комарьё, невольно подумалось, что все эти созерцательные техники хороши исключительно среди цивилизации в обустроенных залах с горячей водой в душевых и пивом в буфете. А вот как их практиковать отшельникам на лоне природы – большой вопрос. Попробуй достичь просветления, когда тебя поедом едят!

Прапорщик начал распределять дежурства, в обязательном порядке ставя в каждую смену хотя бы одного оператора, и мне пришлось отвлечься

от медитации, да ещё вышли на полянку пропадавшие весь день в лесу егеря. Получив миску с кашей, Никита Алтын уселся рядом и положил на землю автомат. Мне даже его спрашивать ни о чём не пришлось, сам сказал:

– Передовой отряд джунгар в десяти вёрстах от нас. На пути у них взорванный мост, но к утру они точно сюда выйдут.

– Много их?

– Кто знает?

Егерь пожал плечами и принялся за обе щёки уминать перловку. Я отвлекать его расспросами повременил, и лишь когда миска опустела, поинтересовался:

– Как думаешь, не обойдут нас по лесу?

Вопрос оставил Никиту совершенно равнодушным.

– Могут, – спокойно произнёс он. – Но с тылу пограничники уже окопались и подлесок проредили. Там все с автоматическим оружием и гранат в достатке. Отобьются, если что. Задержат до прихода подкрепления так уж точно.

Подкрепление! Я едва удержался от презрительной гримасы. Если пограничники показались мне тёртыми калачами, то приданный им в усиление пехотный взвод представлял собой сборище вчерашних новобранцев, которыми просто заткнули образовавшуюся дыру. И это заставляло задуматься, не отнесли ли вдруг в разряд пушечного мяса и нас самих.

Думать так было… неприятно.

Долго засиживаться у костра я не стал, спустился к загнанному в овражек грузовику, в кузове которого уже посапывали бойцы из расчёта крупнокалиберного пулемёта и забрался в кабину. Спать!

Мелькнула разве что мысль войти в резонанс, дабы набрать потенциал в противофазе, но делать этого не стал. Не из лени, просто побоялся, что в случае ночного нападения окажусь не в состоянии в полной мере

задействовать сверхспособности, и решил не рисковать. Повышенная чувствительность к энергетическим аномалиям, конечно, дорогого стоит, да только во сне мне от неё ни холодно, ни жарко.

Вот сейчас закрою глаза и всерьёз задрыхну, почти до утра. Моё дежурство на рассвете, а до того если только по тревоге поднимут.

Не хотелось бы…

Глава 2

Снилось… Да ерунда всякая снилась, если разобраться. Куда-то шёл, с кем-то спорил, что-то кому-то доказывал. Вроде бы с Лией общался, хотя, может, и со Львом или Аркашей, а то и вовсе с Ингой, но если и с ней, то определённо без всякого эротического подтекста, – после пробуждения всё как-то сразу смешалось и смазалось, выветрилось из головы. Неуловимо сгинуло, словно утренний туман после восхода солнца, стоило только растолкать меня сослуживцам, когда подошло время дежурства.

Туман, к слову, был не только в моём сне, присутствовал он и в реальности. Сгустился в низинке, затопил всё там своей непрозрачной молочной пеленой. Впрочем, ясновидению он помехой стать не мог, вот на сверхспособностях я и решил сосредоточиться. Первым делом умылся, зачерпнув в ведре пригоршню воды, и сбегал к обустроенному сослуживцами отхожему месту, затем узнал от разводящего связку пароль-отзыв, а после не стал торчать на всеобщем обозрении, изображая из себя мишень, уселся на вытащенный из кабины грузовика вещмешок, откинулся спиной на шершавый ствол.

Ночью заметно похолодало, но прорезиненная куртка не промокала и не продувалась ветром, замёрзнуть – не замёрз. Восполнил убыль внутреннего потенциала и погрузился в лёгкий транс. Войти в нужное состояние с открытыми глазами оказалось не так-то и просто, но тут ничего не попишешь – стою на посту на самом что ни есть переднем крае. Пусть егеря уже куда-то умотали, да только лес большой, всех вражеских разведчиков им никак не перехватить.

Эх! Сюда бы зоопата!

А лучше сразу танковую роту – мечтать так мечтать!

Я вздохнул и принялся отслеживать состояние энергетического фона, активных техник не задействовал, а потому контролировал не столь уж и большую зону, зато и сам не создавал дополнительных помех. Очень уж не хотелось выдать своё местонахождение, ежели вдруг поблизости окажется вражеский оператор. Вскроюсь и точно первоочередной целью сделаюсь…

Туман понемногу редел, стекал по склону расселины, скапливался над бежавшей меж камней речушкой, которая огибала нашу высоту, создавая дополнительную линию обороны. Вскоре в молочной пелене начала проглядывать серая лента дороги, и я слегка ослабил концентрацию, помассировал виски.

Вновь вспомнился рассказ Вениамина о технике двойного вдоха, вот и задумался о том, каким образом мог бы её реализовать. Ясно и понятно, что правильней не заниматься самодеятельностью, а получить доступ к соответствующей методичке, да только между мной и библиотекой РИИФС пятьсот вёрст и целая пропасть времени. Когда ещё туда попаду? А раз принцип понятен, почему бы и не получить требуемый результат экспериментальным путём?

Имелась у меня одна идейка касательно этой техники, и, поскольку откладывать её проверку на будущее не хотелось, я рассеял в пространстве малую толику внутреннего потенциала, а затем попытался притянуть её обратно. Что-то даже получилось, только коэффициент полезного действия, несмотря на предельную сосредоточенность, оказался чрезвычайно низок. И что самое печальное – ничем иным параллельно этому процессу заниматься я был попросту не способен.

Впрочем, подсказка заключалась уже в самом названии техники, вот я и принялся подгонять воздействие на выбрасываемую из себя вовне сверхсилу под ритм дыхания. Провозился с полчаса, и вроде бы даже что-то начало получаться, не удалось самого главного – перевести контроль на подсознательный уровень. Так-то всё просто: на выдохе выплеснуть из себя энергию, а на вдохе притянуть её обратно, не позволяя рассеяться, ан нет – не выходит каменный цветок. Едва не задохнулся даже.

Просто дышал какое-то время, прилагая к тому осознанные усилия, вот и перехватил контроль над этой функцией организма у бессознательного. А как отвлёкся, так и осознал вдруг, что больше не дышу. Пришлось погружаться в медитацию.

Пропустить вражеских лазутчиков я нисколько не опасался, да и лагерь понемногу просыпался, тут и там сновали бойцы, потянуло дымком с полянки, где стояла полевая кухня, начали стучать о каменистую почву лопаты.

Моё дежурство уже подошло к концу, когда от леса на другой стороне расщелины донёсся отзвук приглушённого деревьями и расстоянием взрыва. Следом там разгорелась ожесточённая перестрелка, и к небу начал подниматься столб чёрного дыма, а после небольшой паузы захлопали наши миномёты, принялись отправлять джунгарам свои смертоносные гостинцы.

К этому времени я уже скатился в овражек-блиндаж и забрался в кабину грузовика, но стрельба мало-помалу стихла, а из леса так никто и не появился.

– Похоже, егеря тарарам устроили, – сказал круглолицый унтер, числившийся наводчиком крупнокалиберного пулемёта, после достал кисет и принялся сворачивать самокрутку.

Звали его Варламом, а второй номер откликался на Пулю – фамилия это или прозвище, я справляться не стал.

– Похоже на то, – кивнул я. – Кормить-то нас будут сегодня?

– Сейчас принесут.

И точно – не забыли, выдали по порции пшёнки и два ломтя свежего белого хлеба каждому. Не завтрак в студенческой столовой конечно, но на природе аппетит разыгрывается волчий. Опять же – сейчас брюхо не набьёшь, и неизвестно, когда следующий раз покормят. Как бы не пришлось выданные в дорогу сухари в воде размачивать.

Мы ещё толком поесть не успели, когда от окопа к окопу полетела команда готовиться к бою.

– Без команды не стрелять! – дополнительно предавалось от бойца к бойцу. – Не высовываться!

Унтер-офицер и ефрейтор поспешно спустились в овражек к грузовику, а я перебрался к настилу блиндажа, улёгся рядом и посильнее опустил на лицо козырёк кепи. На дорогу из леса выехал конный разъезд джунгар. Лошадки были низкорослыми, но бежали ходко, тройка кавалеристов споро достигла низа лощины и переправилась через речушку по автомобильному мосту, сразу за которым дорога начинала забирать в сторону, огибая кручу с запада.

Один из дозорных время от времени оглядывал окрестности в бинокль, должно быть, именно он и заметил что-то подозрительное. Кавалеристы вмиг развернулись и во всю прыть поскакали обратно, вдогонку защёлкали винтовочные выстрелы. Одна лошадка споткнулась и кувыркнулась через голову, на спине другой безвольно обмяк поймавший спиной пулю кавалерист, и тогда, помимо снайперов, по последнему из беглецов начали палить все кому не лень. Даже пулемёт с фланга, где расположились пехотинцы, длинной очередью протарахтел.

И снова заорали:

– Не стрелять! Без команды не стрелять! – но было уже поздно. Едва ли головной дозор состоял всего лишь из трёх человек, а значит, разведчики противника получили определённое представление о расположении наших позиций.

И вот что теперь они станут делать?

Я полежал ещё немного, потом отполз от опушки и вернулся к брёвнышку. Только взял миску, и предчувствием недоброго резануло нервы ясновидение, а миг спустя посреди чистого неба из ниоткуда возникло звено нихонских штурмовиков!

Выйдя на дистанцию кинжального огня, вражеские операторы перестали удерживать оптические иллюзии и звуковые экраны, вот самолёты с красными кругами на крыльях и проявились одномоментно во всей своей смертоносной стремительности. Высота – метров сто, даже головы пилотов за стеклянными фонарями кабин видны!

По ушам ударил гул авиационных двигателей, кто-то крикнул:

– Возду… – Но окончание предупреждения уже потерялось в треске пулемётов и вое авиабомб.

Сбегая в овражек, я споткнулся и кувыркнулся через плечо, вскочил и сиганул под накат блиндажа. Тут же загрохотали взрывы, задрожала под ногами земля. Унтер с ефрейтором, наплевав на опасность словить осколок или пулю, забрались в кузов, но самолёты уже промчались над пригорком, унеслись дальше, скрылись из виду за деревьями.

По штурмовикам и выстрелить никто не успел, а вот они прошлись по опушке шестью пулемётами, ещё и отбомбились – к счастью, не слишком точно. Воронками оказался испещрён преимущественно косогор, в непосредственной близости от наших позиций легло не так уж много смертоносных гостинцев с неба, да ещё какая-то их часть рванула дальше в лесу.

И даже так кого-то зацепило, мимо овражка пробежали бойцы с носилками. Они унесли раненого к госпитальной палатке и снова вернулись на опушку, но на этот раз уже без всякой спешки. И так же неспешно потащили в лес безжизненное тело.

Варлам дрожащими руками принялся сворачивать самокрутку, но табак всё просыпался и просыпался. Пуля не выдержал и вытянул из кармана мятую коробку папирос, сунул одну наводчику, и они закурили. Меня и самого потряхивало – очень уж внезапно всё произошло. И что самое поганое – даже непонятно, как на такую тактику реагировать!

Прибежал прапорщик, спустился в овражек и с облегчением перевёл дух.

– Все целы? Вот и хорошо.

– Остальные как? – поинтересовался я.

– В разведвзводе пулемётчика контузило, а так обошлось, – сообщил Глеб Аспид. – Слушайте сюда: до особого распоряжения работать будете исключительно по воздушным целям. Линь, из оврага не подниматься. Ясно?

– Так точно!

Варлам сплюнул попавшие на язык табачные крошки и с досадой спросил:

– Да как тут работать-то? Нихонцев до последнего видно не было! Мы даже прицелиться не успели!

Прапорщик встопорщил в недоброй улыбке свои песочного цвета усы.

– На этот счёт не переживай. Примем меры. Я с вами останусь, дам отмашку.

Заявление это ничего особо не прояснило, но раз уж выкатывать грузовик из овражка не требовалось, я вооружился лопатой и принялся откапывать не доведённую вчера до ума щель. Моментально разогрелся и упрел, снял куртку и кинул её в кабину.

– Это дело, – похвалил меня прапорщик. – Пуля, ты тоже, давай, не филонь! Копай! За пулемётом и Варлам постоять может.

Ефрейтор последний раз затянулся и выкинул окурок, после спрыгнул из кузова и нехотя взялся за лопату. Сам Аспид уселся на брёвнышке и вытянул ноги, но полагать его показную расслабленность праздным ничегонеделаньем было бы ошибкой. Прапорщик работал со сверхэнергией, создаваемую им энергетическую аномалию я ощущал предельно чётко. Фоновые искажения беспрестанно меняли свою интенсивность, словно шла какая-то непонятная подстройка. А затем по пространству пробежалась волна едва уловимых помех, следом ещё одна и ещё. Активный поиск разгонял по округе сверхэнергию с размеренностью биения сердца, и совершенно точно осуществлял эти воздействия не Аспид, он лишь неким образом синхронизировался с ними, дабы получить доступ к оценке производимого эффекта.

Я воткнул лопату в землю, навалился на неё и вытер со лба пот, заодно попытался определить источник странных искажений. По всему выходило, что он близок к позиции зенитного орудия, не иначе задействовал свои способности командир его расчёта. Сразу как-то от сердца отлегло. Пусть даже дальность обнаружения вражеских операторов и не была слишком высока, но хоть не лопухнёмся как в прошлый раз, будет время заградительный огонь открыть. Ну а пока – копать.

Мы с Пулей решили не распылять силы и взялись совместно углублять одну щель, попеременно орудуя то ломом, то лопатой. Присутствие прапорщика не позволяло филонить, и очень скоро я втянулся в размеренный ритм земляных работ, в первый миг даже не отреагировал на донёсшийся из леса крик:

– Воздух!

И тут же вскочил на ноги Аспид.

– Варлам, не спать! На десять часов, угол сорок градусов! Твой крайний левый! Жди! – крикнул прапорщик и начал обратный отсчёт: – Три! Два!..

Ефрейтор Пуля тут же бросил лопату и полез в кузов грузовика, а я от греха подальше спрыгнул в щель и присел там, укрываясь от возможного обстрела.

– Один! – Крик Аспида совпал с разрушением оптической и акустической иллюзий, прикрывавшей до того звено нёсшихся к земле нихонских штурмовиков, а крик: «Огонь!» потонул в грохоте крупнокалиберного пулемёта.

Варлам всадил очередь в брюхо своей цели, но лишь издырявил обшивку – ни сбить, ни поджечь самолёт не вышло, а вот осколочные снаряды зенитного орудия оказались куда более эффективными – первый из штурмовиков завилял и попытался набрать высоту, скрылся из виду, оставляя за собой дымный след, и почти сразу от мощного взрыва дрогнула под ногами земля. По третьему самолёту открыл огонь спаренный пулемёт вездехода, но тот промчался над нами так стремительно, что попаданий я попросту не отметил.

Следом начали рваться авиабомбы, а только смолк грохот взрывов, как через звон в ушах пробился визг пронёсшейся над опушкой мины. В лесу грохнуло, застучали по сосновым стволам осколки. Прапорщик заорал:

– В укрытие! – и сам без промедления юркнул под бревенчатый настил.

Я колебался недолго, выскочил из недоведённой до ума щели и бросился вслед за спрыгнувшим из кузова пулемётным расчётом, скатился в овраг, и где-то совсем рядом рвануло, на меня посыпались комья земли. Помимо миномётов бить по нашим позициям начала и вражеская артиллерия, от беспрестанного

грохота взрывов хотелось схватить лопату и начать закапываться в землю, звон в ушах сменился гулом в голове, и я создал защиту от ударных волн, на случай если в овражек залетит снаряд или мина. Моей невеликой мощности вполне хватало на то, чтобы удерживать зону разряженного воздуха и линзу повышенного давления, ещё бы и сверхсилу вихрем закрутил, дабы иметь возможность гасить скорость осколков, но побоялся демаскировать нашу позицию. Если с той стороны среди корректировщиков огня присутствуют операторы, источник столь интенсивных помех они никак не пропустят.

Овражек перекрыл кинетическим экраном прапорщик Аспид. Поначалу он ничего такого делать не собирался, но, когда снаряд лёг так близко, что в щели меж брёвнами посыпались струйки набросанной сверху земли, то не преминул озаботиться дополнительной защитой. И вовремя: почти сразу осколки с воем прошли над настилом блиндажа, а могли бы и к нам залететь.

Меня от одной мысли об этом так и передёрнуло. Скорчился бы, закрыл глаза и зажал ладонями уши, да приходилось размеренно перекачивать через себя сверхсилу, работая на предельной мощности, вот и совладал с приступом паники, сохранил самообладание.

– Это артподготовка, сейчас полезут, – предупредил нас прапорщик.

Варлам встрепенулся и неуверенно склонил голову набок.

– Летят! – заявил он. – Точно летят!

Лично я в беспрестанном грохоте разрывов даже собственных мыслей не слышал, а вот унтер-офицера ринулся к зенитному пулемёту, но тут же юркнул обратно под настил и крикнул:

– Наши! Наши летят!

И точно – это пожаловал республиканский военно-воздушный флот. Два звена истребителей сопровождали десяток тяжёлых бомбардировщиков; пара их отбомбилась по лесу на той стороне расселины и сразу легла на обратный курс. Судя по начавшим подниматься к небу чёрным дымам, под удар попала дожидавшаяся окончания артподготовки техника противника.

Интенсивность обстрела моментально пошла на убыль, а немного погодя и вовсе наступила тишина, стали слышны отдалённые разрывы авиабомб – не иначе досталось устроившей нам весёлую жизнь артиллерийской батарее.

Аспид пробрался в дальний конец овражка, распластался там на земле за гранитным валуном и приник к биноклю.

– Линь! – позвал он меня.

– Да, господин прапорщик?

– Окопчик здесь лежачий отрой, – приказал командир. – Да брось ты лопату! Не сейчас! Сейчас полезут!

Я схватил автомат и ползком подобрался к нему в надежде, что прапорщик заблуждается и авианалёт позволил нам выгадать дополнительное время на подготовку, но куда там! Почти сразу вновь засвистели мины, а из леса начали выбегать вражеские пехотинцы. Они рассыпались цепью и рванули к речушке, следом на дорогу вылетел отряд в четыре десятка кавалеристов – эти устремились к мосту. И сразу на той стороне загрохотали пулемёты, принялись давить огнём наших стрелков. Тяжёлые винтовочные пули выбивали фонтанчики земли и песка, рикошетили от камней, свистели над головами, с глухим стуком заседали в сосновых стволах. Я подтянул к себе за ремень автомат, но прапорщик Аспид уже принялся отползать назад, заодно потянул за собой и меня.

– Не трать патроны, – посоветовал он. – Это разведка боем.

Я рискнул задержаться и увидел, как из леса на дорогу выкатились два броневика. Стволы установленных в их башенках пулемётов начали посверкивать дульными вспышками, но одна боевая машина тут же наехала на мину, подскочила и замерла в перекошенном состоянии, лишившись переднего левого колеса, а вторая задымила и начала медленно-медленно сдавать назад.

Как видно, её достали из противотанковых ружей бойцы разведвзвода, а вот наше единственное артиллерийское орудие упорно молчало, но ему, пожалуй, и не нашлось бы достойной цели. Отряд кавалеристов рассеяли и обратили

в бегство шквальным огнём пулемётов, пехотинцы сначала залегли, потом и вовсе начали отступать, теряя под обстрелом человека за человеком, а лишившийся колеса броневик накрыло прямым попаданием из миномёта. Только листы железа во все стороны полетели!

Дальше мины начали рваться на опушке, но противник продолжал поддерживать огнём отступающих. Второй броневик заполз под прикрытие деревьев, там его добили из крупнокалиберного пулемёта нашей собственной боевой машины. Зажигательные патроны сделали своё дело – сначала повалил густой чёрный дым, немного погодя начал рваться боекомплект.

На этом всё и закончилось. Вновь потащили вглубь леса раненных, после дошёл черёд и до погибших при артиллерийском обстреле; таковых оказалось куда больше, нежели при первом авиационном налёте.

Прибежал вестовой от командира расчёта зенитного орудия, доложил об отсутствии потерь и поспешил обратно, тогда прапорщик достал портсигар.

– Не куришь? – спросил он у меня. – Это ты, брат, зря!

Варлам поковырялся мизинцем в ухе и заявил:

– Не, если они так и станут пехоту в лобовую отправлять, мы тут и всю джунгарскую армию перемолоть сможем. Пусть только патроны подвозят!

Пуля покачал головой.

– Чай, не дурные. Чай, догадаются по лесу пробраться и с тылу попробуют нас с высоты сковырнуть!

– Пусть попробуют, – зло выдал прапорщик и сплюнул попавшие на язык крошки табака. – Пупок развяжется! Там не раззявы-пехотинцы, там пограничники окопались!

Я потряс головой, но в ушах меньше звенеть от этого не стало, вот и заметил:

– А говорили, у джунгар артиллерии нет.

– Ну, сколько-то набрали, – пожал плечами Варлам.

Мы посидели и обсудили ситуацию, а потом к нам в овражек спустился незнакомый пехотный офицер.

– Подпоручик Водолей, командир пехотного взвода.

Аспид в ответ отрекомендовался командиром зенитного отделения и спросил:

– Чем обязан?

– Я от штабс-ротмистра, мне унтер на отделение нужен.

Брови прапорщика поползли вверх.

– Я тут при чём?

Взводный пехотинцев развёл руками.

– Штабс-ротмистр к вам послал. У него свободных людей нет.

– Так и у меня нет! – заявил Аспид.

– Послушай, прапорщик, – вздохнул Водолей. – У меня на четыре отделения один унтер и два ефрейтора, остальные – новобранцы!

Аспид остался непоколебим.

– Не мои проблемы!

Подпоручик его словно не услышал.

– Фельдфебеля прямым попаданием накрыло, а я не могу в двух местах одновременно быть! – продолжил он изливать душу. – Если над этими бестолочами унтера не поставить – разбегутся!

– Ничем не могу помочь! – отрезал Аспид, но такой ответ взводного пехотинцев не удовлетворил.

– Вот штабс-ротмистру об этом и скажи! Пусть тогда сам кого-то выделяет! Идём!

И они ушли. Я озадаченно глянул вслед командиру, а Варлам усмехнулся:

– Вот же простой как три копейки! – Он взял лом и окликнул своего второго номера: – Пуля, хватай лопату!

Они принялись вгрызаться в землю, я тоже филонить не стал, подхватил автомат и лопату, ползком вернулся к тому месту, где надлежало выкопать лежачий окоп и распластался на земле, не желая лишний раз маячить на всеобщем обозрении. До противоположной опушки с полкилометра, запросто может снайпер достать.

Плоская гранитная плита выдавалась из земли всего лишь сантиметров на десять и полноценным укрытием служить не могла, первым делом я начал отгребать от неё мелкие камни, а только очистил небольшой пятачок, послышался голос Аспида:

– Линь! Давай сюда!

Я забрался под настил, отряхиваясь, вышел к грузовику и обратился к командиру:

– Да, господин прапорщик?

Тот скорчил недовольную гримасу и огорошил меня неожиданным известием:

– Поступаешь в распоряжение подпоручика Водолея. Примешь командование над отделением.

Я так и захлопал глазами.

– Как так? Я ж за рулём!

– Сменю тебя, – заявил прапорщик.

– Но почему именно я?

Аспид тяжко вздохнул.

– Штабс-ротмистр приказал оказать содействие армейцам и отрядить к ним одного из вахмистров. Командира зенитного расчёта я отдать не могу, остаёшься ты. Всё, собирай вещички и двигай!

Двигай! Ну здорово!

Вот только протестовать смысла не было ни малейшего – кого ещё сбагрить, если не случайного в роте человека? – и я полез в кабину грузовика. Большую часть вещей выложил из мешка и сунул под сиденье, забрал с собой исключительно боекомплект. Имелись у меня серьёзные подозрения, что служба на новом месте долго не продлится.

Ну какой из меня командир отделения, ну в самом деле?

Подпоручик Водолей отыскался у обозной телеги на поляне с полевой кухней и госпитальной палаткой. Полог той был закреплён в поднятом положении, внутри санитар бинтовал плечо молоденького бойца; других раненых поблизости не наблюдалось, только валялась куча окровавленных бинтов и заскорузлых бурых комков ваты да сильно пахло кровью и чем-то медикаментозным.

– Господин подпоручик, младший вахмистр Линь в ваше распоряжение прибыл! – по-уставному отрапортовал я, не забыв отдать честь, но особого впечатление на нового командира не произвёл.

Тот смерил меня скептическим взглядом и уточнил:

– В корпусе младшим сержантом был?

– Так точно!

– Командный опыт?

– Начальником караула служил, – сказал я, не став упоминать, что речь идёт о работе в службе охраны института.

Взводный пехотинцев кивнул и передвинул ко мне книгу учёта личного состава, а стоило только внести свои личные данные и расписаться за назначение и ознакомление с уже подшитым туда приказом об откомандировании, споро состряпанным кем-то из подчинённых командира пограничников, объявил:

– В четвёртом отделении девять человек, и вот что, Линь: твоя задача не дать этим обалдуям разбежаться. Отвечаешь за это головой. Если кто-то дезертирует, пойдёшь под трибунал. Выбыть они могут либо по ранению, либо в случае смерти. И в том, и в другом случае потрудись предъявить раненого или покойника. Усёк?

– Так точно, – ответил я без особого энтузиазма. Не могу сказать, будто так уж близко к сердцу угрозу принял, но и настроения она мне отнюдь не улучшила. – Разрешите вопрос?

– Спрашивай.

– Они хоть немного обучены?

– А сам как думаешь? – вопросом на вопрос ответил взводный. – Нет, конечно! Нами тут просто дыру заткнули. У тебя шесть призывников и три добровольца. Вроде кто-то даже стрелять умеет.

Со списком личного состава своего отделения я уже ознакомился, но ещё питал какую-то надежду, что не всё так плохо, а тут мне её на корню срубили. Девять новобранцев – это же караул просто! Оставалось лишь надеяться, что либо к нам подкрепление подойдёт, либо в Белый Камень отступим, задачу выполнив.

– Ладно, идём с личным составом познакомлю, – позвал меня за собой подпоручик и двинулся к нашему левому флангу.

Отведённые взводу позиции растянулись метров на двести, а то и все двести пятьдесят, и такое положение дел нисколько не порадовало. Да и командиры других отделений оптимизмом отнюдь не лучились. Сказать по правде, они так ещё и смурней моего выглядели.

Пока шли вдоль кромки леса, подпоручик попутно проводил вступительный инструктаж, перескакивая с пятого на десятое, не забыл сообщить и актуальную на сегодня связку пароль-отзыв.

Моему отделению нарезали под сотню метров лесной опушки и косогора, а дальше – там, где восточный склон становился заметно более крутым и начинался ельник, расположился заслон пограничников. Водолей сделал крюк и сначала представил меня заправлявшему там старшему вахмистру с окровавленной повязкой на голове, затем повёл знакомиться с собственными подчинёнными.

«Вот же Аспид, змей подколодный, удружил, так удружил!» – с досадой подумал я, когда где-то впереди раздались крики и ругань.

Мы продрались через подлесок и обнаружили, что два бойца увлечённо мутузят третьего, а тот прижимается спиной к сосновому стволу, прикрывает голову руками и не даёт повалить себя на землю. Остальные новобранцы в дурно подогнанной форме преспокойно сидели на брёвнышке и переговаривались, обсуждая ход драки. Винтовки в пирамидке стояли тут же.

– Отставить! – во всю глотку рявкнул подпоручик и рванул из кобуры на поясе револьвер. – К стенке поставлю, гады!

Парни мигом оставили свою возню, да и наблюдатели подскочили с брёвнышка – не сказать будто по струнке вытянулись, но нечто похожее на стойку смирно изобразить всё же попытались.

– Что тут происходит?! – потребовал объяснений взводный у драчунов.

На вид парням было лет по восемнадцать. Белобрысому рядовому, который до того прижимался спиной к сосне и прикрывал голову руками, подбили глаз и расквасили нос. Его оппонентам досталось не так сильно: у невысокого

блондина кровил уголок рта, а его долговязому и длиннорукому товарищу прилетело по уху. И ни один ответить не удосужился, стояли молча, будто воды в рот набрали.

– Последний раз по-хорошему спрашиваю… – уже совсем негромко, но как-то на редкость внушительно произнёс Водолей, – что… здесь… происходит?

У парня с опухшей губой сдали нервы, и он нехотя сказал:

– Да этот реакционер развёл свою разлагающую пропаганду…

Взводный рявкнул:

– Представиться! Отвечать по форме!

– Рядовой Михаил Голец! – вытянулся по струнке блондин. – Причиной драки стала недопустимая политическая агитация, господин подпоручик!

Драчуны оказались троицей добровольцев, в ряды республиканской армии их привела активная гражданская позиция, только вот убеждения разнились самым радикальным образом. Двое оболтусов были центристами-скаутами, их оппонент входил в «Правый легион».

– Линь, у тебя как с политическими взглядами? – вникнув в суть проблемы, поинтересовался подпоручик.

– Я – февралист, среди этих точно любимчиков не будет, – заявил я, изрядно покривив душой. Центристы-скауты меня своими убеждениями особо не раздражали, а вот активистов «Правого легиона» я на дух не переносил.

– Ну и замечательно, – буркнул взводный и обратил своё внимание на бойцов, наблюдавших за дракой со стороны. – А вы, балбесы, их почему не разняли?!

Лично я думал, что ответа мы не дождёмся, но не тут-то было. Худощавый паренёк, форма на котором висела будто на вешалке, развёл руками и бесхитростно заявил:

– Так это… Стал быть, приказа не было, ваш бродие! А, может, оно так принято у городских? Нам бы потом, стал быть, ещё и накостыляли за них!

Подпоручик пригрозил говорливому бойцу кулаком и скомандовал:

– Стройся!

Троица драчунов присоединилась к сослуживцам, которые и без того уже стояли вдоль брёвнышка, немного потолкались, занимая места по росту, и замерли.

– Новый командир отделения – вахмистр Линь, – указал на меня Водолей. – Слушаться его беспрекословно! Всё, я ушёл.

И он ушёл, а я остался один на один с девятью новобранцами. Прежде столь многочисленным коллективом руководить ещё не доводилось, но начинающие операторы в отстойнике какие только номера не откалывали, так что я подавил неуверенность и приказал:

– Назовитесь!

Тут обошлось без неожиданностей, все бойцы отделения оказались в наличии, и я скомандовал:

– Кто умеет стрелять – шаг вперёд.

Вперёд выдвинулись все. Кто-то сразу и решительно, кто-то после явственной заминки, а два или три человека совершенно точно последовали за остальными, не желая выглядеть неумехами.

– А кто умеет стрелять хорошо? – переформулировал я вопрос. – В ростовую мишень на двух сотнях метров кто попасть сможет? Шаг вперёд!

На сей раз из строя выдвинулись троица добровольцев и говорливый живчик, а затем к ним присоединился ещё один деревенский призывник – кряжистый и плечистый, открытым лицом с носом картошкой чем-то напомнивший Василя. Что называется – парень от сохи.

– Вернитесь в строй, – командовал я и велел стоявшему первым скауту принести винтовку.

Тот взял из пирамиды трёхлинейку, подхватил с земли брезентовый ремень с кожаным подсумком на шесть винтовочных обойм и вернулся ко мне. Откинул затвор, продемонстрировал пустые неотъёмный магазин и патронник, повесил оружие на плечо.

– Винтовку под рукой держи, – распорядился я и вызвал следующего.

Разобраться с оружием получилось в итоге у всех, и я справился о боекомплекте. Ответ не порадовал: у бойцов имелось лишь по десятку патронов.

– Ваш бродие! Стал быть, нам патроны унтер-покойничек каждый раз выдавал, царствие ему небесное! – пояснил мне всё тот же деревенский живчик. – А его снарядом того-сь…

Я вздохнул и спросил:

– Зовут тебя как?

– Прокопом кличут, ваш бродие!

– Метнись за взводным, чтоб одна нога там другая здесь.

Повторять приказ не пришлось, боец умчался в лес, а я глянул на лежавшие у кострища инструменты. У отделения имелась штыковая лопата и ржавое кайло, да ещё в бревно был всажен топор. Тоже ржавый.

– За мной! – скомандовал я, желая осмотреть позиции отделения, но почти сразу наткнулся на воронку, трава рядом с которой была забрызгана чем-то бурым.

– Здесь фельдфебеля убило, – подсказал Антон – тот скаут, что стоял в строю первым.

– Сразу наповал, – добавил его товарищ Михаил.

Я промычал нечто маловразумительное, пошёл дальше и наткнулся на ещё одну воронку, куда глубже первой. Метрах в двадцати от неё вдоль опушки леса протянулась неглубокая траншея. С одной стороны она упиралась в полноценный окоп, с другой оказалась незакончена.

Грунт здесь выглядел не столь каменистым, как на моей прежней позиции, так что я наметил фронт работ, двух деревенских призывников поставил в охранение, двум велел углублять траншею, а последнего отправил проредить подлесок, дабы кусты не перекрывали линию стрельбы.

– Только на открытое пространство не суйся! – предупредил я его, после взглянул на добровольцев. – Мне ваши убеждения до лампочки, нихонцам – тоже. Начнёте дурить, и сами сдохните, и остальных под монастырь подведёте. Это ясно?

Те вразнобой заявили:

– Так точно, господин вахмистр! – но ничуть меня такой покладистостью не убедили.

Именно поэтому следующие пятнадцать минут я пытался своих подчинённых разговорить, но не слишком-то в этом преуспел. Тогда отправил скаутов орудовать лопатой и кайлом, а легионеру поручил вырубку подлеска. А там и Прокоп взводного привёл.

– Ну что опять не слава богу, вахмистр? – потребовал тот объяснений, даже не пытаясь скрыть раздражения. – У меня помимо тебя ещё три отделения имеется!

Я тянуть резину не стал, быстро и чётко обозначил все свои потребности:

– Патроны. Гранаты. Пулемёт. Лопаты. Бинокль. И ещё каски нужны.

Меж бровей Водолея залегла глубокая складка, он пожевал губу и заявил:

– Каски обещают со следующим обозом привезти. Как привезут, выдам. Патроны выделю. За расход будешь отвечать лично. О пулемёте не мечтай даже. У нас их

всего два на взвод. Там, – неопределённо махнул он куда-то себе за спину, – они нужней. Гранаты тоже не дам. Твои оглоеды с ними обращаться не обучены, только повзрывают друг друга.

Насчёт пулемёта я спорить не стал, а вот касательно гранат упёрся рогом.

– Сам кидать буду!

– Ладно, – сдался подпоручик. – Посмотрю, что можно сделать. Лопат лишних нет, попробуй с пограничниками на этот счёт поговорить. Вдруг помогут.

Ну да, ну да! Вот так сослуживцы по щелчку пальцами лопатами и завалят!

Если Водолей и заметил промелькнувшую у меня на лице гримасу, то виду не подал и сказал:

– А бинокль дам. Есть один. Пошли кого-нибудь, боеприпасы и бинокль выдам.

– Прокоп! – позвал я.

– Здесь! – тут же отозвался боец.

– Нет, обожди, – передумал я и велел приблизиться скаутам. – Антон, Михаил, идите за патронами для отделения. И, господин взводный, сколько на пристрелку оружия выделить можно?

– Нисколько! – отрезал тот. – И думать забудь!

– Надо же мне знать, кто из них на что способен!

Подпоручик нахмурился, но всё же разрешил:

– Три патрона на человека. Не больше! И предупреди заранее, когда стрелять соберётесь.

Он удалился, скауты потопали следом, и тогда не сдержался Прокоп.

– Ваш бродие, за патронами мог бы и я сходить! Стал быть, не надорвался бы!

Работать лопатой ему определённо не хотелось, но, если уж на то пошло, на него у меня были совсем другие планы. Показался он мне, даже несмотря на некоторое косноязычие, товарищем ушлым, вот я и вручил ему кайло.

– Иди к зенитчикам, предложи обменять на две лопаты. У них почва каменистая, им нужнее. Если упрутся – соглашайся на лопату, но тогда стребуй ещё пилу до конца дня. А лучше договорись, чтобы пару сосен для нас свалили, сучья обрубили и на брёвна напилили.

– Будет исполнено, ваш бродие!

– Стой! – крикнул я уже вдогонку. – Ещё найди прапорщика Аспида, попроси подойти, если вдруг время свободное случится!

Я бы и сам к нему сходил, да только опасался новобранцев без надзора оставить. Мало ли что им в голову взбредёт, а мне потом отвечать. Ну его к лешему.

Единственной лопатой бойцы работали по очереди, да ещё один человек переводил дух после трудов праведных и заодно стоял в охранении, а остальные под моим присмотром заряжали, приводили к бою и разряжали свои винтовки в положении лёжа. Лучше всего это получалось у добровольца с подбитым глазом и деревенского крепыша, вроде как способного попасть в ростовую мишень за две сотни метров. Успехи остальных не радовали. Велел им даже на время штыки отомкнуть, дабы сами не напоролись и соседей не проткнули. Случайных выстрелов так и вовсе разве что чудом избежать удалось.

– Да не суйте вы по одному! – не выдержал я. – В обойму вставляйте, не ленитесь!

– И чего ради так упахиваться? – недовольно пробурчал один из отстающих, определённо державший винтовку второй или третий раз в жизни.

– По лопате соскучился? – немедленно поинтересовался я, выждал немного и повысил голос: – Не слышу ответа!

– Никак нет, господин вахмистр! Не соскучился!

– Вот и занимайся! Тяжело в учении, легко в бою!

Не могу сказать, будто я так уж рассчитывал на то, что из тренировок выйдет большой толк, но пока бойцы заняты, им не до дурных мыслей, прекрасно это по курсам помню.

– Демид, твоя очередь копать! – объявил я, и возившийся с винтовкой легионер скорчил недовольную гримасу.

– Я добровольцем записался не для того, чтобы землю рыть! – выдал он. – Я в армию пришёл с врагами республики биться!

Деревенские на это заявление вроде бы никак не отреагировали, но мне почему-то показалось, что ответа они ждут едва ли не больше самого добровольца. Возник даже соблазн разрешить дело рукоприкладством, благо в собственных силах я был целиком и полностью уверен, но так и самому пулю в спину словить недолго, поэтому горячиться не стал.

– До сражения с врагами ещё дожить надо, – пожал я плечами. – И тут уж даже не знаю, вражеских снарядов тебе опасаться стоит или того, что Антоша с Мишаней отведут за кусты по душам поговорить, пока я отвернусь.

Демид всё понял верно, разрядил винтовку и отправился рыть траншею.

Выходит, не безнадёжен.

Скауты вернулись с двумя ящиками – деревянным и жестяным, ещё принесли армейский бинокль, один из окуляров которого оказался разбит.

– Это не мы, – сразу предупредил длинный Антон. – Это фельдфебеля бинокль.

– Как миной накрыло, так и вот… – добавил его товарищ Михаил.

Я махнул рукой, повесил бинокль на шею и снял крышку деревянного ящика. В том обнаружился запаянный цинк на триста патронов и ещё дополнительно к нему положили четыре бумажных пачки. Каждая содержала в себе по три уже снаряжённых обоймы, а, значит, выделили нам по сорок патронов на винтовку. Плюс ещё десяток имелся у каждого на руках – вроде не так уж и мало, да только совершенно непонятно, сколько нам тут оборону держать.

Непорядок.

Я решил поговорить об этом со взводным, но с мысли сбил длинный Антон.

– Господин вахмистр, подпоручик за патроны и гранаты расписаться велел! – протянул он мне несколько сшитых суровой нитью и скреплённых сургучной печатью листов, где в две нижние строчки внесли записи о выделении четвёртому отделению трёхсот шестидесяти винтовочных патронов и пятнадцати противопехотных гранат.

Я отмахнулся и взялся проверять содержимое второго ящика. Лежали гранаты с уже прикрученными деревянными ручками в два ряда – восемь в одном и семь в другом, да ещё сбоку приткнулся пенал с детонаторами и замедлителями горения.

А вот тут порядок, тут не подкопаешься.

Я поставил две подписи в соответствующих графах, отправил бойца вернуть журнал расхода боеприпасов и походную чернильницу с пером взводному, после крепко задумался. В итоге решил выдать каждому дополнительно ещё по две обоймы, а остальное придержать для тех, кто действительно умеет стрелять, если таковые вдруг в отделении отыщутся.

Вслед за скаутами прибежал Прокоп, вручил мне лопату и сказал, что уже можно идти за брёвнами. Я отрядил с ним половину отделения, а оставшихся бойцов разделил на две группы: одна продолжила рыть траншею, другой поручил углубить и расширить воронку.

Накроем сверху брёвнами, получится какой-никакой блиндаж. Ну или пусть даже просто землянка. Будет, куда боеприпасы убрать.

Неожиданно ниже по течению – там, где русло речушки уже скрылось за деревьями, – что-то раскатисто грохнуло, и тут же затрещали длинные очереди, а потом донеслись сверхэнергетические помехи и среди деревьев полыхнуло оранжевое пламя.

Происходило это всё в километре от нас, но я приказал бойцам укрыться в неглубоких пока что окопах. Перестрелка длилась не дольше пары минут, за это время прогремело ещё несколько мощных взрывов да сверкнула электрическим отсветом молния. Потом всё стихло, и с места боевого столкновения повалил густой дым; там определённо занялся пожар.

Прибежали Аспид, Водолей и незнакомый мне старший вахмистр из пограничников, они залегли поблизости от наших позиций и начали изучать в бинокли далёкую стену деревьев.

– Похоже, егеря кого-то прихватили, – решил наконец Аспид, и остальные с ним согласились.

– Только бы в нашу сторону пал не пошёл, – забеспокоился Водолей. – Ветер-то южный!

– Не, – покачал головой старший вахмистр. – В речку упрётся. Она хоть и курице по колено, но широкая, да и каменная россыпь по берегам.

Они с Водолеем ушли, а вот прапорщик задержался и спросил:

– Чего звал?

– Насчёт фортификации посоветоваться хотел, – пояснил я. – Сами видите, сектор нарезали немаленький, а в отделении вместе со мной десять человек. Как тут лучше всё организовать?

Аспид огляделся, потом указал направо.

– По центру и без твоего отделения народу хватает. Если в лобовую полезут, найдётся кому встреть. Окоп там, траншея тут – нормально. И место под блиндаж неплохое выбрал. Только отнорок от траншеи сюда выкопайте.

Можно не глубокий, просто чтобы доползти и под огонь не попасть. А вот слева… Идём, поглядим…

Мы двинулись во фланг наших позиций, где косогор становился заметно круче и разрослись кусты и невысокие деревца. Эти заросли постепенно переходили в непролазный ельник, но за него отвечал уже не я, а тыловой заслон пограничников.

– Здесь тоже позиция нужна, – заявил прапорщик. – Тут незаметно подойти могут. В идеале пулемётное гнездо обустроить и кусты колючей проволокой заплести.

– Так нет у нас ни пулемёта, ни колючки! – подосадовал я.

Аспид двинулся в обратный путь, а уже у траншеи остановился и посоветовал:

– Поговори со штабс-ротмистром. Точно знаю, сапёры колючую проволоку привезли. Может, и с РПД кого-нибудь из разведчиков выделит.

– А лопату не дадите?

– Самим не хватает. Но из города ещё инструмент привезти должны, – заявил в ответ прапорщик и нахмурился: – Скажи, Линь, а чего это у тебя работа простаивает?

И точно: бойцы уже выбрались из окопчиков, но лопаты так и валялись на земле, а новобранцы расположились под деревьями и точили лясы.

Я набрал в лёгкие побольше воздуха для командного рыка, но послышался мерзкий визг, и Аспид рявкнул:

– В укрытие!

В траншее я оказался даже раньше подчинённых. Та представляла собой неглубокую канаву, пришлось скорчиться в три погибели на её дне, а секунду спустя – жахнуло! Снаряды начали рваться один за другим, с треском повалилась порубленная взрывом сосенка, а потом нас чуть не накрыло прямым

попаданием – так приложило, что в ушах зазвенело, посыпались сверху комья земли и сосновая кора.

Кто-то из деревенских выскочил из окопчика, намереваясь припустить наутёк, и прапорщик едва успел ухватить его за ногу, дёрнул обратно. Я вцепился в солдатский ремень и потянул паникёра к себе, стиснул его ворот, повалил на дно траншеи и сам навалился сверху. Следующий снаряд рванул чуть дальше в лесу, по стволам застучали осколки.

– Да не дёргайся ты! – заорал я прямо в ухо продолжавшего вырваться бойца. – Угомонись, сволочь!

Пару минут спустя обстрел прекратился, и наступила звенящая тишина. Прапорщик приподнялся над бруствером и принялся изучать в бинокль опушку леса на противоположном берегу речушки, но атаки не последовало.

– Это они за своих поквитаться решили, – решил Аспид, отряхиваясь. – Видать, крепко им егеря хвост прищемили.

Я выбрался из траншеи и заорал:

– Чего разлеглись?! Хватайте лопаты и вперёд! Окопы сами себя не выроют!

Бойцы начали нехотя выбираться из траншеи, и тогда Аспид сказал:

– Возьми из машины ракетницу. Если прижмёт хоть сигнал подать сумеешь.

Совет показался отнюдь не лишённым смысла, и я послал Прокопа с прапорщиком, а заодно наказал предупредить взводного о начале учебных стрельб и попросить того переговорить с командиром пограничников о выделении колючей проволоки и пулемётчика. Насчёт последней просьбы никаких надежд не испытывал, но зато в случае чего не выйдет назначить меня крайним. Как-никак о проблеме своевременно сигнализировал.

– И бегом давай! – поторопил я напоследок Прокопа, после взял из ящика пачку патронов и принялся высматривать подходящую мишень.

Долго искать не пришлось – почти сразу взгляд зацепился за лежавшую средь каменной россыпи корягу, явно притащенную туда паводком. Дистанцию я на глазок оценил в двести метров, о чём бойцам и сообщил. А ещё предупредил, чтобы сами они попадания высматривать и не пытались, над бруствером не маячили и соблюдали осторожность.

Когда вернулся с ракетницей и отчитался о выполнении поручения Прокоп, я начал вызывать на огневой рубеж новобранцев, вручать им по два патрона и отслеживать результаты стрельб в бинокль, используя его как подзорную трубу. Несколько раз приходилось прерываться, поскольку хлопки выстрелов вызывали ответный огонь с той стороны, ладно хоть палили джунгары по нашим позициям не прицельно, а куда придётся. Гораздо больше проблем доставил прибежавший вскорости старший вахмистр – пограничник, который в безапелляционной форме потребовал немедленно прекратить провоцировать противника. Едва удалось спровадить его к взводному.

Отстрелялись в итоге как-то. Результаты нельзя было назвать выдающимися, но и в уныние они меня не повергли. Четверо новобранцев не попали в корягу даже близко; пули ушли в белый свет, как в копеечку. Я им даже по третьему патрону вручать не стал, сразу отправил стоять в карауле да окопы с блиндажом копать. Прокоп, Демид и Антон тоже особой меткостью похвастаться не смогли, но их пули стучали по камням в непосредственной близости от цели, а доброволец-скаут дополнительным выстрелом так и вовсе сбил кусок коры. Как минимум создавать плотность огня, паля в направление врага, эта троица была вполне способна.

Кто порадовал, так это второй из скаутов и не слишком уверенно заявивший о своём умении стрелять деревенский крепыш. Первый из выделенных пяти патронов попал в цель трижды, второй и вовсе промахнулся лишь единожды, в самый первый раз. Один оказался завсегдатаем тира, другой – охотником.

– Миша, Семён, держитесь ко мне поближе, сам буду вам цели назначать, – предупредил я, а пригорюнившемуся Прокопу дал новое задание: – А ты обеспечь нас водой и жди обоз из города. Должны инструмент привези. Стребуй лопату у взводного. Не дадут, зови меня.

– Будет исполнено, ваш бродие! – оживился паренёк. – Только время обеда, стал быть.

– Вот и узнай, что и как, – распорядился я. – Но главное лопату не проворонь!

Дожили! Обычную лопату сложнее раздобыть, нежели даже патроны!

Вот теперь окончательно осознал, что в армию занесло.

Теперь – да.

Глава 3

Как бы то ни было, сидеть без дела бойцам я не позволил, сам тоже в тени не прохлаждался и, скинув гимнастёрку, работал наравне со всеми. Было жарко и сильно парило, мою фляжку пустили по кругу и опустошили в один момент – да там разве что по два глотка каждому и досталось, – но вскоре Прокоп притащил ведро ключевой воды. И напиться получилось, и умыться.

Траншею особо не углубили, а отнорок от неё вглубь позиций и вовсе только-только наметили, зато всеобщими усилиями довели до ума блиндаж: чуть углубили и расширили воронку, по обеим сторонам от которой уложили два сосновых бревна потолще, а остальные устроили уже на них, поперёк. Конструкцию эту подбили клиньями и подпёрли камнями, сверху и по бокам набросали земли. Целиком всё отделение внутри, разумеется, уместиться не могло, но вместо сооружения ещё одного такого укрытия я велел рыть лежачие окопы на фланге, где прапорщик посоветовал обустроить пулемётную точку.

Пулемёт моему отделению никто так и не выдал, зато пара сапёров прикатила катушку колючей проволоки, принялась опутывать ею кусты и молодые деревца, дабы предельно затруднить неприятелю подход к нашим позициям с левого фланга. Потом принесли немалых размеров котёл с гречневой кашей, заправленной тушёнкой, и флягу с горячим чаем, а когда мы отобедали, кто-то из деревенских призывников спросил:

– Господин вахмистр, а мы надолго тут? А то в землю зарываемся что твои кроты!

– Надолго или нет – даже командиры пока не знают, – пожал я плечами, – но думаю, скоро подкрепление пришлют. Не пропадут окопы, не переживай.

– Во дела! Придут на всё готовенькое!

– Не бухти! – осёк его долговязый скаут. – На общую победу работаем!

– И нас тоже на чужие позиции перебросить могут. Нешто лучше в чистом поле оказаться будет? – поддержал товарища другой доброволец.

Разговор вполне мог свернуть не туда, так что я велел закругляться с послеобеденным отдыхом и возвращаться к работе. Прокоп исхитрился раздобыть ещё одну лопату, и я разделил отделение на три звена. Один боец рыл, другой отдыхал, третий стоял на карауле – все при деле, никто друг с другом не собачится. Разве что о куреве разговор зашёл, и я пообещал справиться у взводного касательно снабжения табаком.

Сам же решил провести время с пользой. Для начала вручил ракетницу караульному на левом фланге и оглядел зону ответственности в окуляр бинокля, затем присел на камень и погрузил сознание в поверхностный транс, но толком помедитировать не успел, поскольку припёрся унтер-пехотинец. Думал, появились какие-то вопросы у взводного, но нет – просто обошли на пару наши позиции и пересчитали бойцов.

А дальше приблизиться к обретению внутреннего равновесия тоже не получилось: только я освободился, и явился Никита Алтын.

– С повышением! – поздравил меня егерь, усаживаясь рядом, и положил на колени ППС.

– Да ну тебя! – отмахнулся я. – Даром эта головная боль не сдалась!

– У нас тоже, знаешь, служба не сахар, – заметил Никита, достал ополовиненную плитку шоколада и отломил крайний ряд долек, протянул мне. – Угощайся.

Я отказываться не стал, только уточнил:

– Трофейная?

– Не, за вредность выдают, – улыбнулся егерь. – Слышал, как мы зажгли? Отряд в пятьдесят голов по лесу в тыл зайти хотел, а нас шестеро было. И что ты думаешь? Разделали их как бог черепаху! Драпали так, что только пятки сверкали! Человек двадцать точно положили, а у нас только один раненый. И то легко.

– Здорово! – порадовался я успеху сослуживцев.

– Здорово, – вздохнул Никита. – В четыре новый выход. Попробуем основные позиции разведать. Если получится, авиацию наведём.

– Вы уж расстараетесь!

– Да уж будь уверен!

Егерь поднялся на ноги, упёрся руками в поясницу и с хрустом распрямил спину.

– Столько трофеев тащили, чуть не надорвался! – пожаловался он, потом расстегнул кобуру и вытянул из неё пистолет с длинным стволом и наклонённой под углом рукоятью. – Зацени какая красота! Офицерский «Намбу»! Нужен?

Я махнул рукой.

– Да у меня табельный есть. Лучше пулемёт дай.

Моя шутка Никите смешной вовсе не показалась.

– Не, пулемёт не могу. Поручик не разрешит.

– Погоди! – озадачился я. – Вы трофейный пулемёт приволокли?

– Ну да. Ручной.

– И куда он теперь?

Егерь пожал плечами.

– Не знаю. Пока у себя придержим, а там видно будет.

– Погоди-погоди! Вот на кой он вам? В лес же с собой не потащите, так? Отдайте мне!

– Да кто ж просто так пулемёт отдаст? – искренне удивился Никита. – Самим в хозяйстве сгодится!

– А если поменять?

– А что предложишь?

Я забрался в блиндаж и вытащил оттуда ящик-укладку с ручными гранатами.

– Ну-ка не филонить! – прикрикнул на подчинённых и обратился к приятелю: – Двенадцать гранат дам! Хоть кидайте, хоть растяжки ставьте!

Егерь озадаченно потёр заросший длинной щетиной подбородок.

– Ты знаешь, тут есть о чём подумать. Погодь!

Он подхватил ППС и убежал в лес, а я заранее откинул крышку и вытянул три гранаты. Открутил от банок рукояти, снарядил детонаторами и замедлителями горения, привёл в боевое положение одну за другой. Занятие это было для меня в новинку, провозился до возвращения Алтына, притащившего за ручку для переноса трофейный пулемёт.

– Владей! – вручил он его мне и скинул с плеча ранец с боекомплектом и запасным быстросъёмным стволом. – К нему даже штык в комплекте идёт!

Весило оружие с массивным прикладом, ребристым радиатором ствола и складными сошками никак не меньше девяти-десяти килограмм, штык я даже примерять не стал, сразу кинул под ноги. После вытянул из ранца коробчатый магазин, который втыкался в приёмник сверху, и озадаченно хмыкнул при виде

знакомых на вид патронов.

– Ага, – кивнул сграбаставший ящик-переноску гранат Никита. – Шесть с половиной на пятьдесят, к твоему автомату подойдут.

– Ну вообще! – расчувствовался я. – Удружил, так удружил! И сколько их там?

– Четыре сотни.

– Отлично!

– Найдёшь ещё гранат, обращайся! Прапорщик сказал, возьмём, всё что будет.

– Замётано! – усмехнулся я, понадеявшись, что в ближайшее время Водолей не станет проверять боекомплект отделения. Впрочем, даже если ему такая блажь в голову и взбредёт, – не страшно, отбрешусь как-нибудь. Пулемёт для отделения всяко важней. Да и для взвода тоже.

Именно по этой самой причине я и убрал трофей в блиндаж. Достать его оттуда секундное дело, зато в случае внезапной инспекции неудобных вопросов не возникнет и не изымут в качестве излишков.

Мысленно похвалив себя за благоразумие, хозяйственность и предусмотрительность, я прошёлся по позициям отделения и проконтролировал ход работ, где-то для порядка поругался, а на левом фланге приказал обустроить два пулемётных гнезда, и не просто вырыть лежачие окопы, но и натаскать каменюк для полноценных брустверов. Ещё отправил Прокопа за водой и поручил справиться у взводного насчёт курева.

Постоял немного, затем пошёл на другой край позиций. Сначала в том направлении тянулась небольшая ложбинка, дальше мы уложили два сосновых ствола, а за ними уже и траншея центральных огневых позиций началась. Была она пока что преимущественно по середину бедра глубиной, но это лишь пока – даст бог, углубим. А вот на другой край позиций скрытно подобраться можно было лишь через лес, пришлось делать крюк, прикидывая как бы и тут обыграть складки местности.

Окоп за сегодняшний день успели неплохо расширить, да и сейчас спрыгнувший в него черноволосый новобранец размеренно выкидывал лопатой землю. Семён-охотник обрубал топором сосновые корневища, а легионер Демид сидел под деревом с уложенной поперёк колен винтовкой и что-то втолковывал сослуживцам, но при моём появлении мигом заткнулся.

Не иначе агитацией занимался, что мне по душе нисколько не пришлось, но не пойман – не вор, так что я предпочёл промолчать, просто сделал зарубку на будущее. Немного постоял, повертел головой по сторонам да и зашагал дальше, старательно выискивая прорехи в очень уж густом подлеске. Метров через тридцать наткнулся на просеку: там вырубили весь кустарник и молодые ёлки, обеспечив проезд к опушке, дальше начался подъём в горку и обнаружилась траншея соседнего отделения. Отыскать её помогли крики, коими косоглазый ефрейтор призывал бойцов не валять дурака и копать в полную силу. Метод был вполне себе рабочим – зарывались в землю его голые по пояс новобранцы куда активней моих подопечных, чего уж греха таить.

Ефрейтор оказался настроен вполне дружелюбно, посулив в случае чего поддержать огнём и попросил о том же, а заручившись моим обещанием не зевать, справился о куреве, но тут уж я его разочаровал.

– Не выдали пока, – сказал я, встал на опушке, поглядел в единственный уцелевший окуляр бинокля на противоположный берег и никакого движения там среди подлеска не заметил, хоть обзор отсюда был куда лучше, нежели с нашей позиции.

В итоге я вернулся к своим оболтусам и последовал примеру ефрейтора, но глотку не драл, а потому эффект от понуканий оказался не столь уж и велик. Плюнул и попытался оценить секторы обстрела, тогда-то и ощутил чужое внимание, аж холодок по спине пробежался.

Кто-то на той стороне пытался отследить искажения, создаваемые скоплением сверхсилы!

Едва ли это воздействие могло совладать с моим заземлением, да и встревожило даже не то, что противник озаботился выявлением наших операторов, а тот факт, что у джунгар невесть откуда взялись собственные операторы. Не иначе нихонцы военных советников приставили!

Засада!

Возникла мысль поставить в известность взводного, но побоялся прослыть паникёром, решил ограничиться оповещением собственного отделения.

– Демид! – сказал я, но тут же передумал, поскольку белобрысый доброволец запросто мог сцепиться с навалявшими ему этим утром скаутами. – Нет, сиди! Ты!

Боец с лопатой, смуглый и чернявый, понял меня верно и отозвался:

– Тимур Таш, господин вахмистр!

– Беги, скажи остальным, чтобы бросали лопаты и занимали позиции. Давай!

Боец воспринял приказ буквально, схватил винтовку и умчался прочь едва ли не вприпрыжку. Я слез в окопчик и одёрнул так и продолжавшего сидеть под деревом Демида.

– Тебе особое приглашение требуется?

Белобрысый легионер нехотя присоединился к нам, а сам я приподнялся над бруствером и остался недоволен обзором, вот и забрал у Семёна-охотника топор, полез обрубить нижние лапы росшей метрах в двух от нас ели. Снёс одну, примерился ко второй, и тут послышался мерзкий вой мины!

От страха враз обмякли ноги, но слабость оказалась мимолётной, уже в следующий миг я направленным кинетическим импульсом кинул себя к окопу, споткнулся о насыпь и чуть ли не рухнул на присевших там бойцов. Рвануло с заметным перелётом, ещё и сильно правее, но за первым взрывом последовал второй, потом ещё и ещё один. Вражеская артиллерия принялась утюжить взгорок, время от времени снаряды ложились в опасной близости от нашего окопа, тогда мерзко визжали и стучали по деревьям осколки, трещали, ломаясь сосны, сыпались на голову комья земли, ветки и мелкие камни.

И что самое поганое – ничего поделать с этим было нельзя. Оставалось лишь сидеть в окопе и молиться, чтобы не накрыло прямым попаданием да ругать

себя последними словами за то, что так и не удосужился отработать технику создания полноценного кинетического экрана.

В разрывы снарядов вплёлся гул авиационных двигателей, над верхушками деревьев пронеслись силуэты крылатых машин – не наших, нихонских, – и сразу земля затряслась от новых куда более мощных разрывов. Одна из бомб легла где-то совсем неподалёку, и меня приложило ударной волной так, что в ушах зазвенело. Если б не накрыл окоп линзой уплотнённого воздуха, точно бы контузило.

Вдогонку вражеским штурмовикам ударило зенитное орудие, но на этот раз самолёты заходили на бомбометание со стороны леса, в зоне обстрела они находились считанные секунды. Только моргнул, и уже скрылись за кронами деревьев!

– Дерьмо! – выругался я, сплёвывая скрипевший на зубах песок. – Вот же дерьмо!

Семён-охотник молился, Демид забился в угол окопа, скорчился там и зажал уши ладонями. Умом я прекрасно понимал, что сейчас нам остаётся лишь дожидаться окончания артобстрела, но понять и принять – разные вещи. Мало-помалу начали сдавать нервы.

Человек – лишь песчинка в жерновах войны. Перемелет – никто и не заметит, даже пыли не останется. Вот умею я оперировать сверхэнергией, и что с того? Не с моей мощностью на великие свершения замахиваться. Сейчас от зенитной батареи проку и то больше было бы…

Бомбардировщики заходили на наши позиции ещё трижды, прежде чем понемногу начал стихать артобстрел. Я переборол навалившуюся неподъёмной тяжестью апатию, толкнул Семёна, потряс за плечо Демида. Приложился к фляжке и прополоскал рот сам, дал напиться бойцам. В голове мерзко звенело, но мы были живы, а остальное – не важно.

Ну – почти…

Вражеская артиллерия ещё продолжала бить по нашим позициям, когда донёсся приглушённый расстоянием рык двигателей. Я рискнул приподняться над бруствером, вот и разглядел, как из леса, подламывая молодые деревца,

один за другим выкатываются нихонские танки – неуклюжие на вид, с высокими бортами и короткими пушками. За ними побежала пехота, а на дорогу выскочили три заранее набравших скорость броневика. Тяжёлые машины почти сразу свернули в поле, затряслись на кочках и замедлились, принялись палить из крупнокалиберных пулемётов. Танки тоже открыли огонь из пушек, но стрельба велась на ходу, что сказывалось на точности самым существенным образом.

Нихонцы! Вот же гадство! А ведь все уверяли, что они на территорию республики наземные подразделения не направят! Опять разведка всё на свете прошляпила!

Говорили, пехоту и кавалерию сдерживать придётся, а тут и бронетехника, и авиация, и невесть что ещё. Операторы! Операторы у них тоже есть!

С нашей стороны застучали пулемёты, захлопали миномёты, начали постреливать противотанковые ружья, гулко жахнула сорокопятка и сразу часто-часто отстрелялось зенитное орудие. Взметнулись фонтаны земли, полетел во все стороны дёрн, один танк потерял ход и задымил, другому разрывом сбило гусеницу, он остановился и превратился в прекрасную мишень, подожгли его почти сразу. Но остальные продолжили рваться вперёд!

Я выложил перед собой на бруствер автомат и дёрнул за плечо Семёна.

– Давай! Вставай!

С лесной опушки на другом берегу речушки били пулемёты и винтовки, но наш окопчик находился на фланге, сюда не стреляли, да и артиллерия сосредоточилась на подавлении основных огневых точек. Мы вполне могли выглянуть из окопа, не рискуя поймать головой осколок или пулю.

– Сёма! Соберись!

Ошарашенный боец поднялся сам и поднял винтовку, тогда я принялся высматривать в бинокль среди бежавших за танками пехотинцев офицеров, но сразу бросил это занятие и спросил:

– Достанешь отсюда?

Семён ничего не ответил, уложил винтовку на бруствер, дослал патрон, выстрелил один раз, потом второй, и радостно улыбнулся:

– Готов!

Демид вознамерился присоединиться к сослуживцу, но я его осадил.

– Не жги патроны попусту!

Сам тоже стрелять не стал – с наших позиций до противника было никак не меньше четырёхсот метров, тут если только случайно попаду, а боекомплект не бесконечный. Набравшие скорость танки подкатили к речушке, легко преодолели и каменную россыпь её берегов, и саму водную преграду, а вот бежавшая за ними пехота начала нести потери под пулемётным огнём. Доставалось, впрочем, и вражеской технике: загорелась ещё одна боевая машина, взорвался броневик. Увы, но и плотность встречного огня явственно пошла на убыль – артиллерия противника продолжала засыпать наши позиции снарядами, вынося одну огневую точку за другой.

Дрогнул энергетический фон, в полусотне метров от опушки растеклось в воздухе полотнище едва заметного сияния, и снаряды вражеской артиллерии начали рваться с заметным недолётом, чем не преминули воспользоваться защитники высоты. Потеряла ход очередная боевая машина, да и продвижение вражеской пехоты резко замедлилось, зато два стрелявших до того от опушки танка приняли десантные команды, изрыгнули клубы чёрных выхлопных газов и сорвались с места. Они начали забирать в сторону, явно намереваясь зайти с нашего фланга, следом побежали пехотинцы.

Два танка, тридцать или сорок пехотинцев. И нас – десяток новобранцев!

На основном направлении враг продолжал рваться вверх по косогору, да ещё в тылу загрохотали частые выстрелы, и поскольку рассчитывать на подкрепление не приходилось, я принялся выкладывать перед собой ручные гранаты.

– Патроны кончились! – крикнул вдруг Семён.

Я долго не колебался и приказал:

– Демид, отдай свои и бегом в блиндаж! Тащи пулемёт и ранец с магазинами!

Боец на миг замешкался, но тут же выбрался из окопа и рванул через лес к блиндажу. Семён продолжил отстреливать нихонских пехотинцев, вели по ним огонь и со стороны нашей основной траншеи, и от ближнего окопа третьего отделения, но хлопавшие вразнобой винтовки совершенно точно атаку остановить не могли.

Я мысленно выругался и усилием воли вогнал себя в состояние резонанса. И всё бы ничего, но привычного ощущения всесилия отнюдь не испытал.

Дальше-то что? Что мне теперь делать? Энергия – не панацея!

Сама собой пришла мысль о молнии, но всерьёз эту идею даже рассматривать не стал, поскольку электрическими разрядами стальных самоходных монстров было не пронять. У меня вполне бы хватило сил поднять многотонные боевые машины в воздух и уронить обратно или попросту перевернуть, но для такого трюка требовалось подпустить их на расстояние в полтора – два десятка метров. А с такой дистанции – не выгорит.

Проклятье! Фокусировка оставалась моим слабым местом, я даже резким скачком давления спрятавшийся внутри железных коробок экипаж покуда прикончить не мог! Не сумел бы ограничить область воздействия внутренностью танка, да и потери энергии вышли бы чудовищными…

Гусеничные машины форсировали речушку, их курсовые пулемёты принялись давить огнём моих подчинённых, несколько раз пули срезали ветки и у нас над головой. Энергия вливалась, вливалась и вливалась в меня, удерживать её становилось всё сложнее и сложнее, а я никак не мог определиться с подходящим воздействием.

Невольно позавидовал выучке пирокинетиков, которые запулили на две сотни метров невероятный по насыщенности энергией плазменный шар, и вдруг –

осенило!

Я вспомнил, как при покушении на профессора Палинского прожёг дверцу броневика выплеском плазмы, вот и зачерпнул побольше энергии, дабы на резком выдохе проделать необходимую очерёдность действий.

Напряжение! Ионизация! Нагрев! Давление!

Плазменный выброс ударил прямым будто спица огненным копьём и ударил совершенно не туда, сплавив землю метрах в десяти перед левым танком.

Недолёт!

Напряжение! Ионизация! Нагрев! Давление!

На этот раз целился я с особенным усердием, и луч почти зацепил башенку боевой машины, но именно что – почти. Он разминулся с ней на какой-то жалкий метр и сжёг случайно попавшегося на пути пехотинца.

Перелёт!

По нашему окопчику начали бить пулемёты, но я вошёл в раж и хрипло выдохнул:

– Получай!

Недолёт, перелёт… Ну же!

Увы, из-за усилившегося обстрела с третьим выбросом я откровенно поспешил, он ушёл в сторону и вскипятил воду в речушке. Столб пара к небу так и ударил!

Хлестанула по брустверу очередь, взбила землю и раскидала мелкие камушки, запорошила пылью глаза, а дальше танки как по команде остановились, их башни синхронно повернулись и взяли на прицел наше укрытие, я спешно присел, дёрнул к себе за рукав Семёна.

– Берегись!

Боец как-то мягко соскользнул с бруствера и завалился на дно окопа, я разглядел окровавленную дыру посреди его лба, а потом – жахнуло! Раз и другой!

Уши словно заткнули ватными пробками, а в глазах на миг потемнело, но каким-то чудом я не вывалился из резонанса, энергетический волчок внутри меня лишь дрогнул и тут же выровнялся, продолжая с каждой секундой всё ускорять и ускорять своё вращение. Сверхсила переполняла меня, а я попросту не мог придумать, каким образом её задействовать.

Ёлки зелёные! Да я даже головы над бруствером поднять больше не мог! Пули над окопом так и свистели, а ещё громыхнул новый взрыв, забросало комьями земли и сосновой корой.

Впрочем, вспышки плазменных выбросов и без того уже демаскировали мою нынешнюю позицию, и я бросил осторожничать, начал стравливать сверхсилу и развеивать её в пространстве вокруг окопа. Тело словно задеревенело, но, как обычно и случалось во время резонанса, на меня снизошла необычайная ясность мысли – потому-то, когда приподнялся над бруствером, то без всякого труда лишил кинетической энергии сразу пяток пуль и даже не особо на это действо отвлёкся.

Одного быстрого взгляда хватило, чтобы оценить диспозицию, и я вновь присел на дно окопа. Противнику оставалось продвинуться вверх по косогору ещё метров сто – сто пятьдесят, а дальше нас просто сомнут. Нет, накоротке я дам им прикурить, да только против такой оравы точно не выстоять!

Замелькали панические мыслишки об отступлении, но переполнявшая меня сверхсила напрочь подавила критическое мышление, нестерпимо хотелось зачерпнуть её побольше и сжечь нихонцев к чертям собачьим. Вновь вспомнился гигантский огненный шар, сотворённый пирокинетиками.

Смогу я так? Нет, не смогу. А попытаюсь – рванёт.

Но ведь это мне и нужно, разве нет? Чтобы рвануло?

Только рвануть должно не здесь, а там. И не просто там, а в конкретной точке пространства. И опять же – так ли силён должен быть взрыв?

Я свёл ладони и повторил стандартную очерёдность действий, лишь на последнем этапе вместо формирования канала для выброса ионизированных молекул заключил их в сферу. Увеличил давление внутри неё и одномоментно компенсировал его внешним воздействием, затем повысил температуру почти до критической, но до взрыва ситуацию доводить не стал, вместо этого подкинул налившийся багряным сиянием шарик размером с два кулака над головой и не отправил его в свободное плаванье, а выпростал следом энергетическую пуповину, позаимствовав идею у техники «Медузы».

Заключённый в силовую сферу сгусток плазмы перелетел через бруствер и помчался над землёй к танку, поднимавшемуся по косогору первым. Со ста метров я в жизни бы им по движущейся цели не попал, но энергетический жгут не только годился для накачки конструкции сверхсилой, но и служил средством дистанционного управления. И пусть по мере удаления мой нёсшийся над самой землёй снаряд начал реагировать на команды с некоторым запозданием, учесть временной лаг труда не составило, не так уж он был и велик.

Давай! Лети!

Бить бронированную машину в лоб я не рискнул, непосредственно перед танком сияющий шар, повинуясь мысленному приказу, взвился в воздух, перелетел через смещённую к левому борту башню, на миг завис в воздухе, а потом рухнул вниз, угодив точно в корму. Краткая заминка понадобилась для дополнительной энергетической подпитки конструкции, да ещё при столкновении с преградой равновесие внутреннего и внешнего давлений оказалось нарушено, плазма выплеснулась наружу и направленным взрывом прожгла крышку люка.

Хлопнуло! Из машинного отделения повалил густой чёрный дым, и я с облегчённым выдохом опустился на дно окопчика, но сразу мотнул головой, стряхнул со лба пот и сотворил ещё один плазменный шар. Вывесил его перед собой и – грохнуло! Тряхнуло! Вышибло из резонанса!

Близкий разрыв артиллерийского снаряда накрыл ударной волной, да так что враз оглох и рот кровью наполнился, а заготовка второго плазменного шара попросту развеялась, оставив на память о себе несколько болезненных ожогов.

Проклятье! Это не из танка пальнули, мой окопчик сочли целью достойной крупного калибра!

Я сплюнул кровь, кое-как протёр запорошенные пылью глаза и сотворил новый управляемый снаряд.

Лети, светлячок! Лети!

И он полетел, а мне помимо управления энергетическим зарядом вновь пришлось стравливать сверхсилу и ронять пули. Проделывать такое вне резонанса было несравненно сложнее, но собрался, заставил себя отрешиться от всего остального.

Концентрация! Важней всего сейчас мне представлялось сохранение сосредоточенности, тем неожиданней стала потеря контроля над плазменным шаром. На подлёте ко второму танку тот вдруг перестал слушаться команд и не взмыл вверх, а продолжил движение по прямой, угодил в гусеницу и прожёг в траке оплавленную дыру размером с пятак, но и только.

Какого чёрта?!

Только миг спустя я осознал, что энергетический жгут перебило некое внешнее воздействие. Оператор! Среди атакующих затесался оператор! Возможно, он и не мог похвастаться особой мощностью, зато оказался способен противодействовать моим атакам.

Вот же сволочь!

Подбитый танк уже вовсю полыхал чадящим пламенем, его спешно покидал экипаж, зато второй упорно пёр вверх по косогору, ещё и постреливал на ходу. В росшую неподалёку от моего окопа сосну угодил снаряд, рванул и разлетелся кругом осколками, ладно хоть я удерживал противопульную защиту, вот и остановил все куски смертоносного металла, а то бы посекло.

В душе колыхнулся страх, и я точно бы решил оставить позицию и отступить в лес, но меня продолжало распирать от сверхсилы – рвавшие изнутри мегаджоули требовали выхода и мешали рассуждать здраво. Да ещё

сказывалась контузия, в глазах всё двоилось и даже ясновидение никак не позволяло выявить оператора среди бежавших по склону пехотинцев.

Ну ничего, сейчас ты у меня попляшешь…

Я решил положиться на эффект самонаведения, приподнялся над бруствером и выплеснул из себя сверхэнергию без всякой дополнительной обработки, перекрутил её в шаровую молнию одним только усилием воли.

Выдох!

Планировал задействовать десяток мегаджоулей, но подвела вроде бы идеально отработанная техника, и внутренний потенциал вырвался почти весь, что стабильности конструкции никоим образом не прибавило. Она метнулась от окопа искрящейся звездой и не долетела до противника, рванула сверхновой на середине пути. От выплеснувшейся в пространство сверхсилы засветился сам воздух, а потом энергия в противофазе вновь сконцентрировалась и ветвистым разрядом ударила куда-то за танк и, шибанув двигавшегося во втором ряду атакующих пехотинца, разметала его на обугленные куски плоти, да ещё попутно раскидала в стороны оказавшихся поблизости бойцов.

Да! Получай!

Потенциал нихонского оператора оказался достаточно велик, чтобы притянуть к себе сверхсилу в противофазе, вот и коротнуло!

На меня разом навалилась слабость, и я едва на дно окопчика не сполз, без сил навалился грудью на бруствер. Потянулся за гранатой, и тут по загодя расчищенной просеке на опушку выкатился вездеход разведвзвода. Выпрыгнувший из него боец с противотанковым ружьём отбежал в сторонку и распластался под разлапистой елью, а по пехотинцам ударила спаренная пулемётная установка.

Пули прошлись по косогору смертоносной свинцовой косой, и противник спешно залёг, а танк остановился и начал разворачивать башню в сторону автомобиля. Тот рыкнул движком и резко сдал назад, но скрыться за деревьями не успел. Пушка боевой машины окуталась дульным пламенем, снаряд врезался в возникший в паре метров перед вездеходом светящийся экран и не сумел

преодолеть его, рванул!

Увы, для ударной волны защитная конструкция преградой уже не стала, осколки прошлись по кузовному железу, из-под капота повалил дым. И сразу загромыхало противотанковое ружьё залёгшего в сторонке разведчика. Пять выстрелов кряду прошили борт танка, словно тот был сделан из жести, боевая машина резко дёрнулась и остановилась, через щели повалил дым, а потом сдетонировала боеукладка, башню сорвало с корпуса и откинуло метров на пять!

Я отложил гранату, устроил перед собой автомат и принялся бить короткими очередями по лишившимся поддержки бронетехники пехотинцам. Немного погодя вновь начала перепахивать пулями землю зенитная установка потерявшего ход вездехода, а там и ротные миномёты к истреблению врага подключились, и стрельба в тылу стихла.

Отбились! Точно отбились!

Нихонцы отступили, потеряв с дюжину подбитых танков и сожжённых броневиков. Тут и там на косогоре остались валяться мёртвые тела, но защитникам высоты тоже досталось. Если моё отделение лишилось только одного бойца, да ещё чиркнуло шальным осколком по ляжке отправленного к блиндажу Демида, то три других понесли куда более существенные потери; хватало там и убитых, и раненых.

Взводный умудрился словить пулю и валялся в госпитальной палатке, а его заместителя-унтера и одного из ефрейторов убило наповал, вот мне и пришлось помимо обычной текучки вроде восполнения боекомплекта подопечных брать на себя оформление всех бумаг, поскольку командир третьего отделения по причине малограмотности такую работу потянуть не мог.

Часам к пяти я покончил с писаниной, и жизнь начала входить в привычную колею – принесли обед и курево. В окопах остались лишь караульные, отделение собралось у блиндажа. Ели бойцы без видимого аппетита, большинству попросту кусок в горло не лез, но от своей порции не отказался ни один, да я и сам всё из миски выскреб, даже невзирая на тошноту.

Настроение было ни к чёрту. Мало того что из колеи выбило внезапное появление нихонцев, так ещё среди рядовых распространился слушок, будто противник обошёл высоту по лесу и больше подвоза продуктов и боеприпасов не будет. Опять же – первый убитый в моём отделении…

– Э-эх… – вздохнул кто-то из деревенских. – Сёмку бы помянуть…

– Помянем ещё, – уверил я бойцов и, спеша перевести разговор на другую тему, спросил: – А чего это у тебя пузо поцарапано? На что напоролся?

Долговязый лопоухий призывник, второй по росту во всём отделении, смущённо уставился в миску, а щёки его заалели так, что от них прикурить реально было.

– А он, ваше бродие, драпанул, когда к нам танки выкатились, – подсказал Прокоп. – Стал быть, на колючую проволоку и налетел.

Ушастый дылда оторвал взгляд от миски и напряжённо засопел.

– Ну ты чего? – выдавил он из себя, оправляя порванную гимнастёрку, через дыру в которой проглядывали бинты. – Договаривались же!

Прокоп упрёку ничуть не смутился.

– Ты, Ухо, жопу с пальцем не путай! Уговор был, что не сдадим тебя, если само не вскроется!

Добровольцы Антон и Михаил в подтверждение этих слов синхронно кивнули. Да они бы наверняка и так не преминули сообщить командиру о проступке сослуживца, только не на людях, дабы в открытую не идти против коллектива, ибо для скаутов это дурной тон.

Наверное, имело смысл труса наказать, но теперь мы все тут были словно на подводной лодке, поэтому я лишь махнул рукой.

– Ладно, замнём на первый раз.

– Да вы не думайте, господин вахмистр! – встрепенулся ушастый. – Я от неожиданности просто! У нас в деревне даже тракторов не было, а тут такая дура железная попёрла!

Я хоть и вошёл в положение, счёл нужным предупредить:

– Ты гляди, в следующий раз взводному доложу, а уж он жалеть не станет. Мигом к стенке поставит.

Этим своим заявлением я заодно намеревался припугнуть остальных, но не тут-то было.

– Так увезли взводного, – встрепенулся Антон. – Всех тяжелораненых в Белый Камень отправили.

– Мы за кашей ходили, стал быть, видели, как их на мотоциклы погрузили и того-сь… – подтвердил Прокоп.

Я беззвучно выругался, но растерянности не выказал и велел сменить караульных, сам тоже дошёл до опушки, залёг там и оглядел в бинокль тела нихонцев. Имело смысл выбраться к ним ночью, собрать оружие, патроны и конечно же – каски. От пули они, допустим, не защитят, а вот осколок может и соскользнуть. Всё больше будет шансов уцелеть.

Прислали за мной, когда я уже заканчивал набивать патронами последний запасной магазин автомата.

– Вас штабс-ротмистр вызывает! – протараторил не соизволивший представиться рядовой и согнулся, пытаясь перевести дух после быстрого бега.

– Зачем? – уточнил я, поднимаясь на ноги.

– Не могу знать! Сказано было: срочно!

Ничего хорошего подобный вызов не сулил, но проступков за мной пока что не числилось, поэтому я раньше времени беспокоиться не стал, поднялся

с бревна, отряхнул штаны и позвал:

– Прокоп!

– Здесь, ваш бродие!

– Остаёшься за старшего! И ройте уже окопы, чтоб вас! Хватит прохлаждаться!

Бойцы начали шевелить лопатами чуть активней; я для верности пригрозил им кулаком, затем поспешил в командирскую палатку. Рядом с той вырыли просторную землянку, которую накрыли брёвнами в три наката, мне подобной основательности оставалось лишь позавидовать. Такие перекрытия никакая мина не возьмёт, авиабомба если только. Тут же разместили снятую с вездехода разведвзвода рацию, стальной проволокой блестела закинутая на сосну антенна.

В палатке у штабс-ротмистра шло совещание. Помимо командира заставы, в обсуждении ситуации принимали участие взводный разведчиков поручик Гнёт, прапорщик Аспид и пограничник в чине старшего вахмистра.

– Боевая задача у нас остаётся прежней, будем сдерживать нихонцев и ждать подкрепление, – вещал командир заставы.

Я переминаться за дверью в ожидании, пока на меня соизволят обратить внимание, не посчитал нужным и при первой же паузе прямо с порога отрапортовал:

– Господин штабс-ротмистр, младший вахмистр Линь по вашему приказанию явился!

Офицер с четырьмя звёздами и единственным просветом на погонах оценивающе глянул на меня, страдальчески вздохнул и объявил:

– Принимай командование пехотным взводом.

– Я? – у меня от изумления даже голос осип. – Взводом?

– Взводом-взводом, – с усталой и какой-то совсем уж невесёлой улыбкой подтвердил штабс-ротмистр, выглядевший так, словно не спал пять ночей кряду, и добавил: – Бойцов первого и второго отделения переведи на позиции третьего и четвёртого. Займись этим прямо сейчас.

– Будет исполнено! – взял я под козырёк и покинул командирский блиндаж откровенно сбитым неожиданным назначением с толку.

Я – взводный? Как так-то?

И будто мало того было, меня тут же окликнули:

– Господин вахмистр!

Обернулся, а это от госпитальной палатки, опираясь на заменившую костыль рогатину, ковыляет Демид.

– Господин вахмистр, меня выписали!

Я испытывал антипатию к политическим убеждениям белобрысого добровольца, да и сам он мне нисколько не нравился, вот и уточнил:

– Точно выписали?

– Отпустили, – поправился Демид. – Царапина, говорят! Сама заживёт! Только на перевязку приходить велели.

В госпитальной палатке оперировала кого-то бригада медиков; прежде я в ту сторону старался не смотреть, а тут зацепился взглядом и передёрнуло.

– Отпустили? – с сомнением произнёс я, но решил, что дарёному коню в зубы не смотрят, а хромой стрелок лучше пустого места, вот и распорядился: – Двигай в расположение!

Сам же я отправился принимать командование над взводом, в котором после боя осталось только двадцать четыре человека – это без меня, зато с хромым Демидом и всеми прочими контуженными, сильно и не очень. Ладно хоть ещё

командовавший третьим отделением ефрейтор, несмотря на говорящую фамилию Бирюк, оказался мировым парнем из сверхсрочников, и я с чистым сердцем поручил его попечению всех бойцов за исключением собственных подчинённых. Возник, правда, немалый соблазн забрать себе станковый пулемёт с расчётом, но по здравом размышлении от этой идеи я отказался. Второй «Хайрем», увы и ах, накрыло прямым попаданием из танка, а оставлять отделение совсем без автоматического оружия – не дело. У нас-то трофейный пулемёт имеется.

Помимо патронов и гранат, мы с ефрейтором поделили лопаты и кирки, чему моё отделение нисколько не порадовалось, но ворчать никому и в голову не пришло – продолжили вгрызаться в землю, пусть и без всякого энтузиазма.

Ну а как иначе? Вопрос выживания.

– Угощайтесь, господин вахмистр!

Один из деревенских призывников, имя которого успело вылететь из головы, протянул наполненный мелкой лесной малиной котелок, и я отправил в рот разом полпригоршни ягод, прожевал, наслаждаясь вкусом, и ещё отсыпал горсточку, остальное вернул и позвал:

– Прокоп!

– Я!

– Докладывай!

– Стал быть, без происшествий, ваш бродие!

Я огляделся и взгляд сам собой остановился на Демиде, который что-то втолковывал узкоглазому Тимуру. Ячейка «Правого легиона» в отделении нужна была мне примерно как собаке пятая нога, вот я и задумался, не стоит ли сделать белобрысому добровольцу внушение, но всё же решил не горячиться и для начала приказал Прокопу развести эту парочку по разным звеньям.

– Ага, – кивнул тот. – Будет сделано! – Он немного помялся и спросил: – Ваш бродие, как думаете, басурмане сегодня полезут ещё?

– Да кто их знает, басурман-то? – усмехнулся я и машинально пригнулся, когда донёсся отдалённый грохот пулемётной очереди.

Стреляли с той стороны – не иначе нихонцы заметили какое-то движение на нашей опушке, вот и открыли беспокоящий огонь. Я перебрался к центральной траншее и залёг там под ёлкой с биноклем в руках. Так и провалялся с четверть часа, но за исключением редких обстрелов противник никакой активности не проявил.

В итоге мне всё это осточертело, я сходил с инспекцией на позицию третьего отделения, а после проверил своих обалдуев, но придраться ни к чему не смог и расположился у блиндажа. Откинулся спиной на сосновый ствол, запрокинул голову, поймал взглядом синий лоскут неба меж зелёных крон. То ли непроизвольно в медитацию погрузился, то ли задремал самую малость – непонятно, как такое состояние расценивать.

Думать не хотелось, звенело в ушах, ныло тело. Было жарко и душно. Хоть и расположился в тени, гимнастёрка на спине и под мышками промокла от пота, по щекам нет, нет да и скатывались солёные капли. И сколько ни прикладывался к фляжке, легче не становилось.

Нестерпимо захотелось забраться в полумрак блиндажа, кинуть на патронные ящики свой вещмешок и попытаться прикорнуть, но всерьёз рассматривать такую возможность не стал. Вместо этого отправился на очередной обход позиций отделения, ибо всецело полагаться на Прокопа было бы по меньшей степени неосмотрительно.

Жара, духота, все на нервах после недавней атаки, ещё и оружие под рукой. Как бы чего не вышло.

Так что прогулялся от окопчика к окопчику, настропалил часовых и раздал ценные указания всем прочим, заодно вручил каждому по дополнительной пачке патронов, наказав попусту их не жечь. А только разобрался со всей этой мелочёвкой, и прибежал вестовой от штабс-ротмистра, передал приказ незамедлительно явиться на совещание. Оставлять отделение без присмотра

не хотелось, но деваться было некуда – приказал бдеть Прокопу и пошёл. В итоге зря переживал, дольше туда-обратно бегал. Собравшиеся в командирской землянке офицеры уже успели обсудить все рабочие моменты, я ничего такого не застал. Штабс-ротмистр только поморщился при виде меня как от зубной боли и приказал собравшимся незамедлительно пресекать все панические разговоры среди рядового состава.

– Разведгруппы противника зашли нам в тыл, но в Белый Камень уже перебросили взвод егерей ОНКОР, в самое ближайшее время они расчистят дорогу.

Взвод егерей?

Я с трудом подавил тяжкий вздох. Егеря – элита ОНКОР, не так много подходящих по физической форме соискателей проходит инициацию на трёх последних витках, чтобы этим подразделением дыры на фронте затыкать, их задача – отлавливать нарушителей вблизи Эпицентра. Похоже, совсем дело швах.

А если так – где остальной особый дивизион? Где наши танки и авиация?

Неужто нам до сих пор не дают санкцию выйти за пределы научной территории?

Это же бред! Они там в столице все с ума посходили, что ли?

Взять себя в руки удалось с превеликим трудом, но справился. И даже не сила воли свою роль сыграла, просто побоялся в присутствии старших товарищей лицо потерять. Только потом уже понимание пришло, что едва банальную истерику не закатил. Немного даже стыдно стало.

Жара. Это всё жара.

Всё парит и парит – хоть бы уже гроза разразилась. Глядишь, и посвежеет, и речушка из берегов выйдет, как минимум нихонскую бронетехнику от нас отрежет. А по мосту не проскочат.

– Гнёт, что у вас с вездеходом? – Это штабс-ротмистр обратился непосредственно к командиру разведвзвода. – Удалось починить?

– Нет, двигатель восстановлению не подлежит, только под замену, – заявил в ответ поручик.

Штабс-ротмистр нахмурился и приказал:

– Оттолкайте тогда его на позиции пехотного взвода, где просека к опушке ведёт. Линь, сопроводи на место!

– Будет исполнено! – отрапортовал я, решив, что вездеход придётся не сопровождать, а толкать, но в итоге меня ещё и подвезли.

Я поначалу глазам своим не поверил, когда автомобиль с иссечённой осколками решёткой радиатора и пробитым ими же капотом преспокойно тронулся с места и лихо подрулил к штабной палатке. Потом только обратил внимание на совершенно бесшумное движение транспортного средства и едва заметное возмущение энергетического фона, вот и сообразил, что в движение машину приводит направленным кинетическим импульсом водитель.

– Садись, прокачу! – махнул тот рукой и рассмеялся. – С ветерком!

Но вот с ветерком как раз и не получилось. Когда я забрался на переднее пассажирское сиденье, автомобиль покатил меж деревьев весьма и весьма неспешно. И ландшафт к гонкам не располагал, и кроме нас с шофёром сзади пулемётный расчёт разместился, да ещё там всё коробами с лентами заставлено было, а это лишний вес. Опять же сосен изрядно повалило, местами такой бурелом образовался, что не только не проехать – пройти не получилось бы. Тут и там визжали вгрызавшиеся в дерево пилы, солдаты то ли освобождали пути сообщения, то ли просто разделывали рухнувшие стволы на брёвна для укрепления позиций.

– Слушай, вахмистр! – оживился вдруг наводчик пулемёта в чине унтер-офицера. – А это не ты часом нихонский танк шаровой молнией запалил?

– Было дело, – подтвердил я, хоть и поразил боевую машину сгустком плазмы. Просто не посчитал нужным вдаваться в подробности.

– Орёл! – хлопнул унтер меня по плечу.

– Готовь дырку для ордена, – усмехнулся шофёр. – Разведчику за второй танк солдатский крест обещали. Тебе тоже дадут.

Я только посмеялся.

– Ага, а потом догонят и ещё дадут!

Честно говоря, вовсе не считал, будто совершил нечто выдающееся. Вот когда в июне с пятью операторами схлестнулся – да, было за что орден пожаловать. А тут я просто хорошо свою работу сделал. Мог бы и лучше, мог бы и второй танк спалить, если б нихонский оператор не помешал, но чего уж теперь?

– Вас-то самих не зацепило, когда снаряд рванул?

– Не, ласточка прикрыла, – заявил шофёр, похлопав ладонью по баранке. – Только Косте пол-уха отчекрыжило. И чётко так – ровно бритвой. Он и не почувствовал ничего поначалу. Костя, скажи!

Ефрейтор с перебинтованной головой кивнул; вид у него был нездоровый.

А, впрочем, у меня самого, подозреваю, вид ничуть не краше. И то ли ещё будет…

Глава 4

Вот так сразу выдвигать автомобиль на опушку никто, разумеется, не стал, вездеход остановили в ельнике за небольшим пригорком. Я направился к позициям бывшего третьего отделения и ещё издали услышал ругань и невнятный скулёж. Когда подошёл, ефрейтор Бирюк потирал ссаженные

костяшки, а один из новобранцев сплёвывал кровь, стоя в обнимку с сосновым стволом.

– А-а-а! – отмахнулся командир отделения, перехватив мой вопросительный взгляд. – Воспитательную работу провожу. А то взяли моду паниковать!

– Паникёров расстреливать приказали, – подлил я масла в огонь, и рядовой с расквашенными губами мигом прекратил изображать из себя умирающего лебедя, отлип от сосёнки и вытянулся чуть ли не по стойке смирно.

Ефрейтор благодушно махнул рукой.

– Воюет пусть.

– Пусть воюет, – кивнул я и велел отрядить бойцов на обустройство укрытия для вездехода, но только лишь этим дело не ограничилось, до самого позднего вечера так и не присел, решая какие-то неотложные вопросы. Ужин и вовсе чуть ли не с боем выбивать пришлось, но, пусть пайку и уполовинили, голодным никто не остался.

После я проверил личный состав нашего поредевшего взвода, распределил очерёдность караулов и довёл до Бирюка переданную вестовым штабс-ротмистра связку пароль-отзыв. Единственные на отделение часы нашлись у Демида, временно изъял их на общественные нужды – по ним и стали отслеживать время караулов.

Потом уже только я сел перевести дух и с отвращением поглядел на миску с перловкой. Еда в глотку не лезла, голова гудела, в ушах звенело, ещё и морозило всего. Ладно хоть бойцы костерок в приямке у блиндажа развели и в котелке чай из лесных трав заварили. Опустился на одно из уложенных тут же брёвнышек, выпил кружку – стало легче.

Но озноб так и не отступил, даже за курткой сходить не поленился, да и рассевшиеся вокруг огня новобранцы начали доставать скатки и облачаться в шинели. К вечеру ощутимо похолодало, а, быть может, просто после дневной парилки слишком разительным показался контраст.

Оставив бойцов у костра, я отправился на очередной обход, постоял немного на левом фланге и понаблюдал за работой сапёров, которые навешивали на колючую проволоку погремушки из пустых банок тушёнки и минировали подходы к высоте со стороны леса.

– Передай своим, чтоб за колючку не лезли, – предупредил меня их унтер. – Мин не так много, их бы на макак хватило!

– А там? – махнул я рукой в сторону тылового заслона.

– В ту сторону тоже драпать не нужно. Мы своё дело знаем!

Я пообещал предупредить подчинённых о минном поле, дошёл до правого окопа и задержался там, прежде чем двинуться к позициям третьего отделения. Лучи заходящего солнца ещё пробивались через кроны деревьев, но быстро темнело, в низине сгустился туман, реки уже видно не было, лишь растеклась непроницаемым облаком молочная белизна.

Холодком оттуда так и тянуло, белёсые клочья тумана позли вверх по косогору, и сие обстоятельство мне категорически не понравилось. Если эта гадость затопит всю расселину, нихонцам под её прикрытием не составит никакого труда скрытно подобраться к нашим позициям и задавить числом.

Послышались голоса, что-то треснуло в стороне от окопа, и стоявший на карауле долговязый Антон чуть не подпрыгнул, нацелил ствол винтовки в темноту подлеска и выкрикнул:

– Стой! Стрелять буду!

От ёлок негромко послышалось:

– Синица!

Доброволец судорожно сглотнул и выдал отзыв:

– Этот… Как его… Голавль!

Приблизились три фигуры, обернулись поручиком Гнётом, прапорщиком Аспидом и старшим вахмистром пограничников, имени которого я узнать так и не удосужился. Он-то меня и углядел, хоть я и не отлип от соснового ствола.

– Как у вас?

Обстановка была неформальной, так что я от уставного обращения воздержался.

– Всё спокойно, – ответил и кивнул в сторону расселины. – Только туман, что б его…

Хлопнуло, откуда-то с наших позиций в небо взмыла осветительная ракета. Она начала снижаться и растворилась в белом мареве, словно под воду канула. Сначала просматривалось светящееся пятно, затем сгинуло и оно.

– Туман – это проблема, – согласился со мной прапорщик Аспид. – Вчера он только под утро появился, да и не такой густой был.

Поручик Гнёт указал вниз по косогору.

– Уже второго танка не различить, а только-только первый из виду пропал! – подметил он.

– И похолодало как-то очень уж резко, – высказался я.

Глеб Аспид задумчиво хмыкнул.

– Думаешь, это неспроста? Думаешь, нихонские операторы температуру опускают?

Я пожал плечами.

– А почему нет? К вечеру бы в любом случае похолодало, а тут низина – холодный воздух скапливается и с тёплым не перемешивается.

Поручик потёр подбородок.

– Разве столь масштабное воздействие не сказалось бы на энергетическом фоне?

– Не факт, – покачал я головой. – Если они охлаждают воздух, и он стекает вниз, мы с такого расстояния искажение фона и не ощутим, наверное, даже. Хотя… Могу попытаться помехи уловить.

Командир разведвзвода глянул на прапорщика, тот пожал плечами и разрешил:

– Валяй!

Двое из моих собеседников были операторами, так что я отошёл от них в сторонку, уселся на не успевший толком остыть после дневной жары камень метрах в пяти от опушки и попытался расслабиться. Вышедшая из-под контроля техника выдоха опустошила меня едва ли не начисто, но какие-то жалкие крохи сверхсилы в противофазе удержать всё же удалось. Я и восполнять растраченный в бою потенциал не спешил именно из-за того, что счёл более важным сохранить повышенную чувствительность к энергетическим аномалиям. Тут всё просто: в случае очередной атаки точно успею к бою подготовиться, а вот незамеченный вовремя диверсант времени на подготовку уже не даст. Ткнёт ножом в спину – и поминай как звали.

При всём при том потенциал я удерживал именно что мизерный, пришлось до предела ослабить заземление, но и тогда никаких откликов на той стороне не уловил, лишь проявилось смутное ощущение некоей неправильности. Искажений и чётко выраженных помех не было, даже энергетический фон, насколько удалось разобрать, оставался предельно однородным – правда, сам он показался мне чуть насыщенней, чем того стоило ожидать. Это не удивило бы на Кордоне, но никак не в нескольких сотнях вёрст от Эпицентра. Что-то было не так.

Наверное, имело смысл спуститься непосредственно к туману и повторить попытку ниже по склону, но делать этого мне категорически не хотелось. Я встрепенулся, поднялся с камня и вернулся к офицерам.

– Что-то не так.

Поручик насмешливо фыркнул, но на смех меня поднимать всё же не стал и обратился к старшему вахмистру:

– Командуй повышенную готовность.

Пограничник убежал в лес, вмиг растворившись в тенях, и тогда прапорщик Аспид сказал:

– Егерей бы на разведку отправить.

Командир разведвзвода кивнул.

– Отправлю.

Они ушли, а я обежал позиции взвода, настропалил ефрейтора Бирюка и разогнал по окопам своё отделение, присоединился к ним и сам, прихватив на всякий случай трофейный ручной пулемёт. Туман медленно-медленно затапливал своей молочной пеленой косогор, и от бойцов это обстоятельство конечно же не укрылось.

– Господин вахмистр! – прошептал Миша, облизнул губы и просил: – Думаете, полезут?

– Полезут – услышим! – заверил его приятель-скаут. – В тумане любой звук на пару вёрст слышен!

Увы, я в этом уверен не был. Для операторов звуковой экран поставить не так уж и сложно, могут совершенно бесшумно подойти. Вот подберётся к нам туман ещё немного, и до последнего ничего не увидим и не услышим.

Меня передёрнуло, только не от недобрых предчувствий, это разошлось рябью энергетических колебаний некое воздействие, разошлось и никуда не делось, будто назойливым гулом на заднем плане осталось. То ли наши операторы поставили помехи, намереваясь затруднить нихонцам использование поисковых техник, то ли сами пытались загодя уловить приближение врага.

Прежде чем я сумел разобраться в хитросплетениях чужого воздействия, в сопровождении взводного из темноты вынырнула пятёрка егерей.

– На восточном склоне кусты разрослись, зайдите с той стороны, – сказал поручик. – И давайте аккуратней там! Сейчас от сапёров кто-нибудь подойдёт, проход покажет.

Бойцы начали проверять снаряжение и подпрыгивать, проверяя, не брякнет ли что-нибудь, не зазвенит ли. Подошёл давешний унтер сапёров, взялся показать безопасный проход.

– Давайте уже! – проворчал он. – Чай стынет!

– Ни пуха! – напутствовал я Никиту.

– К чёрту! – отозвался тот, и пятёрка егерей обогнула наш окопчик, споро зашагала в обход растянутой меж кустов колючей проволоки.

Солнце давно село, луна не взошла, и фигуры бойцов растворились во мраке подлеска в один миг. Один только сапёр из темноты вынырнул, постоял, вздохнул и отправился восвояси.

И – ни звука, тишина совершенная. Разве что кто-то из деревенских вознамерился закурить, сунул в рот папиросу и тряхнул спичечным коробком, ну и нарвался. Я прямо-таки душу отвёл, дал выход нервному напряжению. А вот придумать достойного наказания уже не успел: в тумане вдруг сверкнул отблеск электрического разряда и что-то гулко хлопнуло, кто-то заорал, рванула граната, застучали пистолеты-пулемёты.

Всполошившиеся нихонцы открыли шквальный огонь по косогору и нашим позициям, в ответ ударили пулемёты, полетели в темноту росчерки трассеров, захлопали миномёты, взвились осветительные ракеты. Скоротечная перестрелка стихла уже пару минут спустя, а потом я уловил некую неправильность в стороне от наших позиций и перекинул туда ручной пулемёт, установил его на сошки, но поручик меня остановил.

– Не стрелять! – резко бросил он. – Свои!

И точно – это вернулись егеря. Двое волокли зажимавшего пропоротый живот сослуживца, ещё один брёл, на ходу заматывая бинтом покалеченную кисть.

Замыкающим с ППС в руках пятился Никита Алтын, он отделался порванной гимнастёркой и обильно кровоточившей царапиной на щеке.

Тут же прибежали санитары с носилками, погрузили на них бойца с проткнутым животом и унесли к госпитальной палатке, а егерю с рассечённой кистью принялись обрабатывать рану прямо на месте.

– Что там? – спросил поручик у троицы повалившихся на землю бойцов.

– Почти сразу на двух невидимок нарвались, – сообщил в ответ коренастый вахмистр. – Одного положили, второго только подранили, ушёл.

– Это которые все в чёрном? – уточнил взводный, оглянулся на моих бойцов и резко бросил: – А ну по местам!

Жадно внимавшие словам егерей новобранцы вмиг разбежались по окопам.

– Ждали нас, не могли мы вот так сразу случайно на них напороться, – решил Никита, прикрыл царапину сложенным на несколько раз бинтом, сверху наклеил откромсанную от катушки полоску лейкопластыря.

– Не ждали, – покачал я головой. – Почуяли операторов и выдвинулись наперерез.

– Дело пахнет керосином, – заявил крепыш-вахмистр. – Если они разом по всей линии соприкосновения под прикрытием тумана атакуют, не отобьёмся.

– Да это понятно! – досадливо поморщился поручик. – Это как раз понятно…

У меня внутри всё так и свело, но не стал отмалчиваться, предложил:

– Давайте я схожу.

Поручик глянул как на психа, вахмистр егерей и вовсе прямо заявил:

– Зазря пропадёшь только.

Мне геройствовать нисколько не хотелось, но альтернатива пугала несравненно больше, вот и пояснил, обращаясь в первую очередь к взводному разведчиков:

– У меня потенциал на нуле, с предельным заземлением даже ясновидящие с расстояния в сотню метров не почуют, если целенаправленно искать не станут. На ту сторону не пойду, задействую активный поиск от речки и рвану обратно.

Отговаривать меня поручик не стал, да и с чего бы? Без точных разведданных нам не обойтись, а простого бойца не послать. Нужно понимать, что именно задумали нихонцы. Нужен оператор.

Сердце так и постукивало, но я испуга не выказал, оставил в подсумке одну гранату, рассовал по накладным карманам на бедрах пару автоматных магазинов, подтянул ремень, подпрыгнул. Заодно до предела усилил заземление, это вышло уже само собой даже особо концентрироваться для этого действа не пришлось.

– Не рискуй попусту, – напутствовал напоследок Глеб Аспид и препоручил меня унтеру-сапёру.

Я выслушал повторный инструктаж, но в отличие от егерей не рискнул двинулся через прореху в рядах колючей проволоки, а решил обогнуть их справа, заодно оставив в стороне и минные заграждения. Так что взял наизготовку автомат и зашагал к опушке, дальше пошёл уже вдоль неё, затем без всякой спешки, медленно и плавно, контролируя буквально каждый свой шаг, начал спускаться по заросшему кустарником и молодыми берёзками косогору. Восточный склон был достаточно крутым, приходилось прилагать немало усилий, дабы не припустить вниз со всех ног, а то и вовсе не покатиться кубарем.

Время от времени я замирал и прислушивался, но – тишина, только сверчки стрекочут, да филин где-то в лесу пару раз ухнул.

Удалившись от наших позиций на полсотни метров, я осторожно опустился на вросший в землю камень, принялся ослаблять заземление, снимая слой за слоем. Вроде – никого. Никаких аномалий, даже энергетический фон в норме.

Отгораживаться от него я больше не стал, осторожно поднялся на ноги и двинулся дальше. Берёзовая рощица осталась позади, да и кусты поредели,

а вот трава вымахала высотой по пояс, как ни старался, но совсем уж не шуметь не получалось. И – страх. Так и казалось, будто нихонский секрет залёг где-то неподалёку, узкоглазые уже и движение в темноте заметили, просто не суетятся, дают ближе подойти.

Страшно? А то!

Несколько раз я опускался на корточки, скрываясь в зарослях иван-чая, и дожидался, пока уймётся сердцебиение, а то из-за стука в голове ничего кругом уже и не слышал.

Казавшийся с пригорка однородной пеленой туман поначалу неуловимым образом удалялся от меня, а потом столь же неуловимо окутал со всех сторон, накрыл с головой, заставил до предела замедлиться. Его белёсая дымка едва позволяла разглядеть землю, так сразу было и не сообразить, куда поставить ногу без риска оступиться или раздавить что-нибудь хрусткое.

А ещё начало казаться, будто рядом кто-то есть, будто враг замер совсем-совсем близко, рукой дотронуться может, а я об этом и не подозреваю даже. Пройду мимо, а молочная дымка обернётся человеком в чёрном, и получу мечом в спину.

Но нет, конечно же. Обычного человека я ещё мог упустить, а вот шиноби точно загодя учую. Ну или не совсем уж загодя, а шагов с десяти. Если они сверхспособности задействуют. Если не отвлекусь и не зевну. Если всё рассчитал верно и меня самого не учуют раньше…

Накатила нервная дрожь, но не стал передёргивать плечами, замер в неподвижности, пересиливая мимолётную слабость. Надо собраться! Надо взять себя в руки! Иначе – пропаду!

Мне ведь не только операторов опасаться стоит. Простого дозорного даже проще пропустить, а штыком под лопатку заработать хорошего мало. Никакой разницы с ударом мечом, если уж на то пошло.

В тумане приходилось перемещаться с воистину черепашьей скоростью, иначе слишком сильно возрастал риск оступиться и если и не упасть, так нашуметь. А выбираться на каменную осыпь, среди которой совершенно бесшумно текла подковой охватившая нашу высоту речушка, я и вовсе не рискнул. Постоял там

немного и двинулся по самой её кромке, то шагая по траве, то ступая на особо массивные валуны, которые не смещались под моим весом, когда на пробу опирался на них ногой.

Вот на одном из таких шагов я и уловил чужое внимание, но воздействие было предельно расфокусированным – тут не били острогой затаившуюся у дна рыбину, тут будто невод в мутную воду забрасывали, вот и успел закрыться, вовремя усилив заземление. Пронесло. Вроде – пронесло.

Сердце зашлось в лихорадочном стуке, пришлось пару минут неподвижно простоять на месте, прежде чем я успокоился достаточно и смог продолжить движение. Мало-помалу туман начал сгущаться, камни стали влажными и скользкими. Изредка я рисковал ослабить экраны, коими отгородился от энергетического фона, и с каждым разом всё чётче и острее ощущал разлитую в пространстве сверхсилу. Та казалась лишённой малейшего намёка на структуру, это совершенно точно не было каким-то целенаправленным воздействием, скорее уж просто рассеивались отходы. Ослабляя заземление, я неизменно ёжился – очень уж неприятным холодком пробирало, а ещё эти энергетические излишки просто выводили из себя своей неправильностью. И никак не удавалось понять – почему.

Нихонцы действовали крайне неряшливо, их не оправдывали даже колоссальные объёмы проделанной работы. Насколько удалось разобрать, к охлаждению воздуха привлекли сразу несколько операторов-слабосилков, а те и сами по себе с неба звёзд не хватали, и друг с другом взаимодействовали из рук вон плохо.

Теперь я знал наверняка, что туман создан искусственно, но знание это мне ровным счётом ничего не давало. Если уж на то пошло, простое подтверждение догадки о грядущем штурме отнюдь не стоило того риска, коему я подверг себя, спустившись к реке. Я ведь ни диспозиции врага не выяснил, ни оказать содействие в нейтрализации чужих операторов не мог. Требовалось разобраться в происходящем, в идеале – пустить вражеские приготовления по ветру.

По ветру? Точно!

В низине установилось полнейшее безветрие, именно недвижимость воздушных масс и не давала рассеяться туманной пелене. Что я мог с этим сделать?

Что-то ведь мог, так?

Очень осторожно и воистину мучительно-медленно я начал пробираться вперёд, заодно понемногу сдвигался от края каменной россыпи к речушке. Старался ступать осторожно и не шуметь, не пинать булыжники и не расплёскивать сапогами воду и брёл отнюдь не просто так, а ориентируясь на проблески ясновидения. Искал границы воздействия, запиравшего туман в расселине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pavel-kornev/moskit-tom-2

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить